

Страница

12+

Татьяна Абиссин
Фэй Родис

Татьяна Абиссин Фэй Родис Страница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29623320

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-12628-2

Аннотация

Люба Журавлева – сирота, с детства воспитывается дядей, с которым не слишком ладит. Люба делает первые шаги в модельном бизнесе. По стечению обстоятельств девочка переносится в параллельный мир, где ее признают Страницей – иноземкой. Героине предстоит пройти три испытания. Испытания, которые прежде не мог пройти никто...

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Опаздывать – запрещено!	11
Глава 2. Соперницы	19
Глава 3. Прическа по старой моде	28
Глава 4. «Барышня»	34
Глава 5. Разные уровни	41
Глава 6. Живой манекен	47
Глава 7. Плакун	53
Глава 8. Не косплеер и не актер	60
Глава 9. Дорога из Мерлого леса	72
Глава 10. Особняк семьи Рэм	82
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Татьяна Абиссин, Фэй Родис Страница

Пролог

С автострады, что находилась в десяти метрах от узкой дорожки, доносился ровный гул автомобилей. Запах свежей листвы и недавнего дождя смешивался с пылью и гарью. По пропахшей сыростью тропинке уверенно шагали хмурый мужчина и молодая женщина с коляской.

Мужчина то и дело сморкался в клетчатый платок, мысленно проклиная лето, аллергию на пыльцу, резкий запах цветов, и, возможно, ту, что шагала рядом, шурша шелковым платьем и улыбаясь спящей в коляске малышке. Сегодня мужчина увидел племянницу впервые, но все равно отказался взять ее на руки.

– Ты ей нравишься. И почему ты такой «бука», а, Вадим? Не хочешь обнять малышку? Она же – твоя единственная племянница, – вздохнула Катя.

Сестра словно специально злила его. Уж кому, как ни ей, знать, что он детей терпеть не может. Да и на прогулку отправился только затем, чтобы попросить некую сумму из

средств отца, полученных Катериной по завещанию. Вадиму-то в наследство ничего не досталось. Отец считал, что мужчина обязан обеспечивать семью, а не наоборот.

– Кать, не приставай. Лучше под ноги смотри! Тут дорога – ямы сплошные. Никак не отремонтируют, и о чем мэрия думает! Ишь, как коляску трясет! Того и гляди, перевернет, – пытаюсь сменить тему разговора с «чудной крошки, которая похожа на ангела, и самая красивая, самая умная, самая лучшая», Вадим обнаружил, что они дошли до ворот парка.

Сестра покачала головой, но не нахмурилась. Она вообще редко обижалась, в отличие от самого Вадима, способного спустя годы вспоминать чужой промах или не вовремя сказанное слово. Продолжая катить коляску по узкой аллее, окруженной кустами цветущего шиповника, Катя замурлыкала себе под нос колыбельную песенку.

– И почему карусели? Неужели нельзя выбрать для прогулки более тихое место? – нахмурился Вадим, когда они подошли к вращающейся платформе с разноцветными лошадками.

На аттракцион, сверкавший яркими лампочками, веселой стайкой устремились школьники. От вспышек фотоаппаратов у Вадима заболели глаза. Мужчина с неудовольствием протер их рукой.

– Но Любе нравятся карусели! Она всегда такая довольная, когда мы с ней приходим сюда. Не капризничает... – возразила Катя.

«Теперь понятно, кому я обязан этой прогулкой по жаре, – мужчина бросил гневный взгляд на Любу, мирно сопевшую в коляске. – Вся в мать, такое же чучело! И имя у нее глупое! Наплачется еще с ним! В честь «большой любви» названа, не иначе, хоть Катька так и не призналась, кто же отец...»

– Ты хотел поговорить, – после короткой паузы заметила сестра. – Начинай. Знаю, ты человек занятой. И просто дышать свежим воздухом в парке тебе некогда. Вижу, что-то случилось. Расскажи – постараюсь помочь, если это в моих силах.

Вадим открыл рот, но ответить не успел. Мир вокруг замер, словно кто-то установил показ художественного фильма на «паузу». Застыла в воздухе летящая мимо карусель, замерли галдящие дети, оседлавшие металлических коней, и даже стоявшая рядом с ним Катя.

Мужчина попытался пошевелить рукой, и с испугом понял, что он – единственный, кто может это сделать. Но каждое движение давалось ему с невероятным трудом, словно тело опутали невидимые, но очень прочные нити...

А потом появился «он». Вадим не успел сделать ни шагу. Оставалось только смотреть на создание, словно пришедшее из кошмарного сна.

В воздухе с противным скрежетом расплывалась тягучая черная клякса, напомнившая Вадиму фильмы о пришельцах и иных формах жизни. Спустя несколько мгновений грязь приняла очертания человеческой фигуры.

«Человек, это человек!» – с облегчением сообразил Вадим. Но желание поскорее сбежать отсюда никуда не исчезло.

Незнакомец, ступивший на асфальт прямо из грязной кляксы, был одет явно не по погоде. На нем красовался кожаный черный плащ с большими круглыми пуговицами; такой длинный, что почти полностью скрывал фигуру. Две седые косы лохматыми змеями выглядывали из-под старомодной шляпы. Огромные черные очки скрывали лицо. Или что-то там? Вадим всерьез сомневался, что у субъекта есть лицо. Он не видел ни глаз, ни рта, ни носа. И позднее, сколько ни пытался, не смог вспомнить хоть какую-то запоминающуюся черту.

В левой руке «видение» держало зонтик, на вид самый обычный, разве что прозрачный. В правой руке «пришельца» находился потертый портфель с металлическими уголками, на вид совершенно обыкновенный...

До тех пор, пока седой не повернул его боком, так что Вадим увидел человеческий глаз прямо в проеме бокового кармана. Хотя, нет. Стекланный глаз, который казался очень живым.

– Я её нашел. Угроза будет устранена, – произнес незнакомец ровным голосом, глядя в Катину сторону. Глаз в его портфеле совершил двойное вращение. Вадима затошнило. Мысль о том, что его сестре грозит опасность, тут же сменилась воображаемой картинкой, как чужак избавится от слу-

чайного свидетеля. Надо дать понять этому «вторженцу», что он, Вадим, тут не причем. Его сестра всегда была странной. И, конечно, сама виновата во всех бедах.

Пока Вадим обдумывал свое незавидное положение, чужак протянул в их сторону руку с портфелем. Из вращающегося глаза вырвался столп света, окутавший фигуру Кати и малышки в коляске. На миг сестра Вадима вместе с дочкой растаяли в воздухе, но появились вновь, когда свечение погасло. Правда, их фигуры словно потеряли часть цвета, как крылья бабочки, с которых разом стряхнули всю пыльцу.

– Дело сделано, – удовлетворенно хмыкнул пришелец. Вращающийся глаз остановился и прикрылся сам собой. – Заговорщики наказаны. Палата Гриотов будет довольна. Я забрал у слишком самоуверенной женщины и ее потомства всю удачу, все возможности. Теперь мне осталось только... – незнакомец глянул на Вадима. Тот почувствовал, как земля качнулась под ногами. – Мы наблюдали за вами, Журавлев Вадим Николаевич. Вы же не хотите знать, что сейчас произошло, верно? Не мечтаете разделить участь предателей?

Вадим отчаянно помотал головой. К его удивлению, ему это удалось. Он понятия не имел, что сейчас произошло, но чутье подсказывало, что он только что словно побывал на чужих похоронах. Или на своих собственных?

– Вот и славно! Просто очаровательно! – заулыбался чужак, заметив его смятение. – Мы искренне надеялись, что вы проявите благоразумие. Вашей задачей, Вадим, с сегодняш-

него дня будет присматривать за сестрой и за вашей милой племянницей. И, если узнаете что-то интересное, чем захотите поделиться, вас непременно услышат. Через этот портфель, – чужак всунул Вадиму в руку свою жуткую ношу. – Мы готовы щедро оплачивать ваши услуги. Примите бездельницу в качестве залога наших будущих доверительных отношений.

Вадим удивленно раскрыл рот, заметив блеснувший на запястье левой руки золотой браслет, инструктированный крупными изумрудами.

– Не дрожите так, и спрячьте наш подарок в ваш новый портфель! – снова улыбнулся темный волшебник (по крайней мере, Вадим причислил его к таковым). – Мы много знаем о вас. Вы получите доступ к финансам своей семьи, которые вам так необходимы, если позаботитесь о том, чтобы Катерина больше никогда не увидела дочь.

– Но как?!

– Очень просто. Очнувшись, ваша сестра будет болтать всякие глупости про Гриотов и параллельные миры. Печально, конечно, но порой у женщин после родов страдает психика. Нельзя же оставлять ребенка с безумной женщиной! Милой Любочке лучше расти подальше от нее. А вы будете ее единственным опекуном... Думаю, Катерина отпишет вам все средства, лишь бы вы заботились о её дочери.

– Но у девчонки есть отец!...

– Он не объявится, уж поверьте, – притворно вздохнул чу-

жак. – А теперь, прощайте. Никогда не забывайте про наш уговор, Вадим.

Глава 1. Опаздывать – запрещено!

Примечание от автора: прошло 12 лет.

– Почему не помыла за собой чашку? Лентяйка! – удар ладонью по щеке, не сильный, но от того не менее обидный, заставил Любу отшатнуться.

Девочка исподлобья взглянула на Ольгу Михайловну, не собираясь извиняться. Нотации на тему: «старших нужно слушать», «мы тебе только добра желаем», и «взрослые знают лучше» всегда казались ей полной чепухой. Да и Михайловна до сих пор её уважения ничем не заслужила:

– Я опаздываю на конкурс, Ольга Михайловна. Когда вернусь, все уберу. И вымою пол. Я же всегда это делаю!

Любимая женщина дяди Вадима побагровела:

– Опять дерзишь? Или решила, пару раз покрутившись на подиуме, что теперь – «звезда»? У Вадика – золотое сердце. Взял тебя, сироту, к себе в дом. Кормит, поит, воспитывает. И чем же ты ему отвечаешь? Не можешь за собой чашку помыть, дурында?

– Я подрабатываю в его модельном агентстве, приношу деньги. Это же была ваша идея? Вы потребовали у дяди, чтобы я оплачивала проживание? – Люба свела брови к переносице и насупилась.

В отличие от многих сверстниц, она никогда не мечтала о карьере модели. Не желала она тратить все свободное вре-

мя, занимаясь хореографией и танцами. Не хотела прогуливать уроки, особенно контрольные. Ведь их все равно потом приходилось писать. Люба предпочитала проводить досуг за просмотром любимых сериалов на стареньком ноутбуке и играть в ПСП-приставку (портативную Сони Плестейшен).

– Должна же ты хоть как-то приносить *нам* пользу! – Михайловна сделала ударение на слове «нам», намекая, что в этой квартире нет, и не будет другой хозяйки, кроме нее. – И не думай, что дам тебе поблажку, только потому, что работаешь у Вадима! Если ты проспала и не успела сделать домашнюю работу, сама виновата. В следующий раз будешь ответственной. Или, помяни мое слово, ничего хорошего из тебя не выйдет!

– Я все поняла, Ольга Михайловна. Только я опаздываю. Я могу идти? Если пропущу конкурс «Барышня», дядя будет недоволен. И мне придется сказать, что это вы меня задержали, – Люба забрала чашку из рук раздраженной «тетушки», быстро ополоснула ее и поставила на свободное место в сушилке.

– Какая же ты наглая, Любка! И за что мне это наказание? А ведь Вадим из-за тебя семью заводить не хочет. Насмотрелся! Говорит, до твоего совершеннолетия и слышать ничего не желает о собственных детях. Поняла, о чем я? Я ж по твоей вине страдаю! А ты не ценишь, прошмандовка! – Ольга Михайловна патетично вздохнула, трагическим жестом прижав пальцы к вискам.

– Дядя Вадим использует вас, как и меня, – шепнула Люба, выскользнув из кухни.

Из Владыкино до центра еще долго добираться. А ругать Ольгу Михайловну дядя не будет. Зато ей, Любе, за опоздание или неучастие в конкурсе, влетит.

Девочка торопливо собирала сумку под аккомпанемент тоскливых причитаний Михайловны, одобренных элитным коньяком. О её плане «отвести в ЗАГС» дядю Вадима, Люба знала уже давно. И помогать ей с этой затеей не собиралась. Более того, исполнение мечты Ольги Михайловны стало бы для Любы кошмаром. Пухленькая блондинка средних лет слишком любит распускать руки по любому поводу! Если Михайловна станет её официальной тетей, уж лучше сразу отправиться в приют.

Впрочем, Ольга, обернувшись законной женой Вадима Журавлева, и сама догадается подыскать для надоевшей «племянницы» школу-интернат.

– Внимание! Напоминаем, что поезд проследует мимо станции «Фрунзенская», не останавливаясь. Станция закрыта на ремонт... – механический голос потонул в грохоте вагонов, увлекаемых в тоннель метро.

Люба растерянно заморгала, убирая мобильный телефон, с которого читала фэнтези-роман, глубоко в сумку. Быстро вскочив с места, она направилась к выходу.

«Кто бы знал, что пересадкой на Сокольническую здесь не

обойдется! Эх, если б я встала пораньше, сейчас не боялась бы опоздать! Ведь нужно еще отметить у администратора, переодеться, накраситься... В чем-то Михайловна права, какая же я несобранная! Даже о том, что моя станция закрыта, узнала в последний момент! И что теперь делать? Двигаться к наземке? Кажется, здесь останавливается двадцать восьмой троллейбус, который довезет до Фрунзенской».

Мысли о троллейбусе номер двадцать восемь повлекли за собой неизбежные печальные воспоминания о репетиторе по математике, которого Люба дважды в неделю посещала в прошлом году.

А причиной этих встреч оказалась математичка Говорова, которая, выставив ей семь двоек в журнале за нежелание отвечать у доски, потребовала срочной беседы с родственниками. Дядя, после этого «душевного» разговора, пришел домой красным от негодования. И, скрепя сердце, отправил Любу к репетитору, а потом контролировал выполнение домашних заданий. То, что ей в будущем математика не понадобится, Вадима не волновало.

...Стоило девочке выйти из метро, как зарядил мелкий, но частый дождь. А зонт Люба с собой не захватила. Осталось радоваться, что прическа для выступления у нее простая и не пострадает от капризов погоды.

«Нет, правда, о чем я думала? Синоптики же обещали дождь», – размышляла Люба, вздыхая о забытом дома зонтике. С шестого этажа, где жили Журавлевы, небо с утра ка-

залось безоблачным. Но в Москве всегда так. В одной части города люди могут изнывать от жары, а в другой – жалеть о том, что не натянули с утра резиновые сапоги.

«Менеджер Катя сейчас сказала бы, что я напрасно дуюсь на погоду. Мол, у нас – как в Нью-Йорке, если не нравится погода – просто подожди пятнадцать минут. Но сегодня, как назло, этих минут у меня нет!»

– Доченька, давно троллейбуса не было?

Негромкий голос заставил ее оглянуться. Рядом стояла старушка, суетливо убиравшая в сумку потрепанный зонтик. Люба в ответ вздохнула:

– Я минут пять назад подошла. А здесь троллейбусы часто ходят? Мне нужно на Фрунзенскую, а станцию закрыли...

– Не переживай, здесь еще бесплатный автобус «нулевой» ходит. На нем тоже можно доехать. Какой первым прикатит, на тот и садись.

Журавлева слегка кивнула и замолчала. Ей хотелось повторить мысленно текст песни, с которой она выступает. Песня была из тех, что традиционно считаются «русскими народными». Но ее менеджер решила, что для конкурса «Барышня», где оценивались не только внешность и вокальные данные, но и обаяние кандидаток, песня подходит лучше всего.

«На Муромской дорожке...» – затянула про себя Люба. Тут рядом с ней послышался громкий топот. Девочка с удив-

лением уставилась на подбежавшую к остановке троицу – симпатичную женщину и двоих детей-погодок.

– Пока мост переходили, под дождь попали, – смущенно заметила женщина. Она пыталась встать под крышей остановки так, чтобы оказаться вместе с детьми на отрезке сухого асфальта. Любе пришлось потесниться, чтобы и бабуля, и новенькие, смогли укрыться от шумного ливня, в который за несколько минут успела превратиться противная морось. – Зато хорошо покатались на карусельках, правда, Боренька?

Любе вдруг показалось, что ей не хватает воздуха. Перед глазами потемнело. Машинально вцепившись в ручку висевшей на плече сумки, она пыталась понять, почему так реагирует на одно упоминание о каруселях.

«Ну да, с детства их терпеть не могу, и что такого? Кстати, именно в этот детский парк нас возили прошлой осенью. Подарок от агентства. Но я даже не смогла выйти из автобуса. Сидела, дрожала. И, сейчас, при одном воспоминании о каруселях, мурашки бегут по коже... Хуже, чем от любой «страшилки» в сети! И почему я снова здесь оказалась?! Сегодня явно не мой день!»

Любу отвлек от невеселых мыслей мальчик, указавший рукой за ее спину:

– Мама, а это что? Что на бумажке написано?

– Объявление, – снова смущенно улыбнулась женщина, явно надеявшаяся до прихода автобуса или троллейбуса просто помолчать, не привлекая внимания.

– И что там написано? – не унимался малыш.

– Предлагают стрижку домашних животных, – улыбнулась ему Люба.

– Мама, а давай мы нашу Лапку подстрижем? – тут же оживились ребята.

Женщина иронично выгнула бровь:

– И как вы это себе представляете? Она же у нас гладкошерстная кошка! Ее, разве что, можно покрасить. Но не думаю, что стоит причинять ей беспокойство.

Дети угрюмо замолчали. Люба зачарованно следила за чужой беседой, забыв о том, что нужно повторять песню. Ей вдруг тоже захотелось, чтобы у нее была обычная семья. Чтобы были мама, папа, брат, сестра и кошка... или собака. Вадим не позволял завести питомца из-за аллергии на шерсть.

«Если бы папа с мамой не погибли в автокатастрофе в Италии, какой была бы моя жизнь? Посещая парк с родителями, я бы точно не боялась аттракционов. И в конкурсе участвовала бы с большей радостью. Ведь они обязательно пришли бы за меня «поболеть!» – тоскливо размышляла Люба, носком туфли размазывая грязный песок по асфальту.

Да, дядя Вадим слишком занят, чтобы прийти и поддержать племянницу. На этот раз уехал на неделю в командировку. И, когда Люба выйдет на сцену «Московского шелка», ей опять будет одиноко, несмотря на присутствие соперниц, жюри и прессы. Так одиноко, точно во всем мире она осталась совершенно одна.

Наконец, к остановке подъехал троллейбус, под завязку забитый людьми. Но ждать следующего Люба не могла. Следовало поторопиться – до начала конкурса оставалось чуть больше двух часов.

Прижатая толпой к мужчине, от которого несло дешевыми сигаретами, Люба с тоской думала о том, что сегодня – двадцать пятое июня две тысячи шестнадцатого года, давно двадцать первый век на дворе, а жизнь-то совсем не меняется!

Нет бы, придумали ученые надувные шары, вроде тех, что используют в зорбинге, которые могли бы передвигаться по воздуху. И тогда уж проблема с «пробками» в Москве сразу исчезла бы! Словно техника «Парка Юрского периода», но только наяву... Нет, пример неважный. Там все плохо закончилось из-за динозавров.

Ну, а если не шары, а флаеры? Совсем как в книгах Кира Булычева про Алису Селезневу! Серию про «Алису» Люба очень уважала.

Тогда все точно обошлось бы без жертв. А если взрослым нравится толкаться и ездить в автобусах, пусть сами этим занимаются. Школьникам же, разумеется, за исключением первоклассников, очень пригодился бы такой транспорт! Имея собственный флаер, она бы точно никуда не опаздывала.

Глава 2. Соперницы

Прикрывая голову полиэтиленовым пакетом, Люба спешила к входу в банкетный комплекс «Московский шелк». По пути она слышала дребезжание мобильного телефона, но даже и не думала отвечать. До места назначения ей оставалось шагов пятьдесят. Не стоило отвлекаться...

Когда перед девочкой замаячило высокое крыльцо, ведущее к зеркальным дверям, Журавлева перевела дыхание. Наконец-то, добралась!

– Где же тебя носит, Люба!

Услышав этот резкий голос, Люба вздрогнула. Она узнала менеджера по кадрам из дядиного агентства – Вику Зорину. Та, видимо, скрывалась за дверями от дождя, но выпрыгнула на крыльцо, едва завидев подопечную.

– Вы меня ждали? – запыхавшаяся Люба пыталась перевести дыхание. Да, она знала, что кто-то должен был передать ей одежду для конкурса. Но, чтобы сама Виктория этим занималась! В агентстве Журавлевой пообещали, что вещи от спонсоров привезут за пару часов до представления и оставят в гардеробе на первом этаже «Шелка».

– Где же ты была? Через час твой выход на сцену! Девочки сейчас «прогоняют» номера. А ты? – хмурая Вика поправила слипшиеся от капель дождя короткие волосы, уложенные так, что напоминали беличий хвост – пышный и чуть-чуть

растрепанный. В порывистых движениях менеджера было что-то от белки. Она всегда куда-то спешила.

– Но «Фрунзенскую» закрыли, – Люба с виноватым видом посмотрела на Вику.

– И что?

– Ехала от «Парка культуры» наземкой, потом пешком...
– Журавлева по голосу Вики угадала какой-то подвох, но не могла понять, в чем он состоит.

– Любаша, с тобой все ясно. Если ты еще слишком маленькая, чтобы пользоваться метро, попросила бы Ольгу Михайловну тебя сопровождать! Тебе просто следовало доехать до Спортивной, а там отсюда рукой подать... Но, ты не ищешь легких путей, да? – покачала головой девушка, вручая Любе два тяжелых пакета. – Ладно, что уж теперь. Вот, держи. Здесь твой костюм. Иди скорее, переодевайся. Ступай прямо, пока не увидишь лестницу. По правую сторону – главный зал. При входе, с одной стороны, барная стойка, с другой – примерка.

– А вы со мной не пойдете?

Виктория смущенно прижала наманикюренный пальчик к пухлым, явно сдобренным силиконом, губам:

– Малыш, я не могу остаться. Уж, прости. Я не на работе, просто завезла вещи. Более того, у меня свидание! Мужчина мечты уже заждался в машине... Хорошо хоть парковка здесь бесплатная. Ну, я пойду, о'кей? Держись молодец, «Аленушка»! Не посрами наш «Звездный компас»! По-

ка-пока! – чмокнув Любу в щеку, тем самым заставив в полной мере оценить аромат из весенней коллекции «Шанель», Вика бодро зацокала каблучками блестящих лодочек к выходу.

Журавлева уныло смотрела ей вслед. Дядя Вадим не только заставил племянницу работать в агентстве. Он еще и оказался автором глупого модельного прозвища. И его теперь повторяли направо и налево все, кому не лень.

Ну какая из неё «Аленушка»? Девочка вспомнила знаменитую картину Васнецова. Может, лицом-то и вышла... Но, вот братика у нее нет, и никогда уже не будет.

Люба улыбнулась зеркалу, привычно выискивая недостатки в своем образе. Что ж, пожалуй, ради этих коротких минут выступления в красивой одежде, и стоит немного потерпеть. Девчонки в школе ей завидуют. Хотя, есть ли в зависти что-нибудь хорошее? С подругами у нее никак не складывается. Зато среди мальчишек-ровесников Люба довольно популярна. После того, как она представила школу на нескольких публичных мероприятиях, она оказалась в центре мужского внимания.

«С таким именем разве может быть по-другому? – самодовольно подумала Люба. – С другой стороны, кому нужны эти мальчишки! Цветы, подарки и конфеты я и так часто получаю. А что-нибудь поинтереснее они придумать не в состоянии! Не говоря уже о том, что настоящая романтика встре-

чается только в игре...»

– Ба, кого я вижу! «Аленушка» решила почтить скромный конкурс своим присутствием. Кстати, через полчаса – начало. Поторопись навести марафет, красавица! И вот еще: «прогнать» свой выход ты уже не успеешь. А раз с вокалом у тебя – не очень, как и с внешними данными, – ты же так и не исправила свои слишком большие передние зубки, – то приготовься к проигрышу.

Женька Соболева, застывшая в дверях гримерки, поглядывала на нее сверху-вниз, улыбаясь в своей шакальской манере. Конечно, Люба никогда не встречала шакалов, но почему-то считала, что Соболева очень на них похожа. Характером, по крайней мере. Кажется, одета в пышное платье под старину. Люба лишь мельком покосилась на эту мегеру:

– Я-то успею сделать макияж. Но ты бы лучше выкинула меня из головы, Соболева. Сделай милость, подумай о себе. В следующем году ты «пролетишь» мимо этого конкурса.

Конкурс проводился каждый год, но участвовать в нем могли девочки до пятнадцати лет, а Женька была на год старше ее. Люба, убедившись, что её слова попали в цель (Соболева позеленела от злости), принялась наносить макияж.

В чем-то Женька права: любой визажист знает, что для хорошего макияжа следует провести у зеркала, как минимум, минут сорок. Да, и лучше, чтобы тебе помогал специалист... Но, разве у нее есть выбор? Вика Зорина ее бесовестно бросила. Ну, и ладно. Не в первой!

«Зато я могу пользоваться любой косметикой. Мало кому в моем возрасте так везет. Большинство мам запрещают девочкам краситься. А я сейчас могу представить себя известной моделью или актрисой», – успокоила себя Люба.

– Какой ты стала острой на язык, сестренка, – Соболева с отвращением фыркнула. – Не волнуйся за меня, я не подкачаю. Видишь, мама заказала мне платьишко в Париже. Как тебе? Ничего?

Только тут Люба обратила внимание, что Соболиха, готовясь к конкурсу, превзошла саму себя. Стройная фигура Женьки была окутана белоснежным облаком тончайших кружев, шелка, муслина и батиста – этакая сошедшая с гравюры какого-нибудь художника девятнадцатого века юная невеста. Дама сердца Пушкина? Нет, Лермонтова?

«Наверное, жюри тоже будет гадать...», – усмехнулась Журавлева. Люба знала, что мать Женьки замужем за владельцем крупного продовольственного холдинга, и ничего не пожалеет ради счастья любимой дочурки. Но сегодня она явно перестаралась, нарядив Женьку для конкурса, едва ли проще, чем олигархи своих юных жен на свадебной церемонии.

Длинные шелковые перчатки со вставками кружев скрывали не слишком изящные руки. Колдовские переливы шелка опьяняли роскошью при каждом тщательно выверенном движении. Для завершения образа благородной красавицы не хватало шляпки с вуалью, но в этом было свое очарова-

ние: темные волосы Женьки украшали живые цветы. В руках Соболиха нервно сжимала зонтик, причудливая ручка которого была из слоновой кости. Легкое напряжение рук – пожалуй, единственное, что выдавало ее волнение. На лице по-прежнему блуждала хищная улыбка, доказывающая, что Женька ради победы перегрызет горло любой сопернице.

– Здравствуй, Маша. Я – Дубровский! – Люба застегнула на ухе длинную серебряную серьгу в виде снежинки, а после небрежно приподняла левую бровь. Она точно знала, что такая простая мимика доведет Соболеву до белого каления. Журавлева давно заметила, как болезненно этот прием действует на дядю, на Михайловну и даже на математичку Говорову. Люба жалела об одном – она так и не научилась управлять второй бровью.

Женька фыркнула, задохнувшись от возмущения. Любе показалось, что та с удовольствием вонзила бы сейчас острие своего вычурного зонтика ей между ребер. Но нет, вместо этого Соболиха глубоко вздохнула, а потом вдруг медовым голосом протянула:

– Гляжу, твой дядя сегодня тоже не поскупился на шмотки, да, Журавлева? Правильно, невзрачную внешность нужно чем-то прикрыть. А хрустальный венец так сияет, что просто ослепит всех судий!

– Кокошник это, слабоумная, – пожалала плечами Люба, отнюдь не спешившая сообщить задире, что её одежда уже завтра вернется к спонсорам, и она, Журавлева, никогда не по-

лучит ее в личное пользование. Какая именно фирма подарила платье, Люба не знала, ведь пакет, который ей вручила Зорина, был совсем обычный, черный, без какого-либо намека на бренды.

– Ох, нарвешься ты когда-нибудь, Журавлева, – выдохнула Женька, – подними свою задницу, и катись уже в зал, по хорошему тебе говорю! Тебе нужно в листе у ведущей «Барышни» отметить, что пришла и выступишь. Скажи «спасибо», что я тебе, дуре, напоминаю!

Люба, вместо ответа, погляделась в зеркало. Возможно, следовало еще чуть-чуть припудрить лицо. Уж слишком бледная кожа! Или, может, и так сойдет?

Быстро встав из-за стола и освободив место другой девочке, которая решила подправить размазавшийся макияж, Люба вышла в зал, оставив хрупкий кокошник лежать на столе.

Большой зал радовал глаз разноцветными шарами, игрушками разных форм и размеров и живыми цветами, расставленными в больших тонких стеклянных вазах по периметру. Организаторы конкурса явно не поскупились, чтобы придать торжественность мероприятию. Удивительные черные стулья, бокалы и посуда из черного стекла – эффектное и необычное дополнение к окружающему интерьеру и пестрым, как стеклышки в калейдоскопе, стенам. Столики удивляли теплой лимонной подсветкой изнутри, создавая ощущение, что ты находишься в каких-нибудь сталактитовых пе-

щерах.

Люба быстро нашла ведущую конкурса и отметилась в заявочном бланке. Ведущая, оказавшаяся улыбочивой, чуть полноватой женщиной в очках, протянула Любе значок конкурсантки и смущенно заметила:

– Будешь выступать под номером двадцать восемь. Предпоследняя. Все, кто пришли до тебя, тянули жребий. Но ты опоздала.

Люба уныло кивнула. И, правда, как-то неудачно все сложилось, причем с самого утра. Пощечина Михайловны все еще горит на щеке. А ведь она потратила приличное количество тонального крема, чтобы ее замазать! И, похоже, неприятности продолжают...

«Все же плохо, что я выступаю в самом конце. Не люблю так. Придется нервничать, завидовать тем, кто «отстрелялся» раньше... Да и оценки, скорее всего, будут выше у тех, кто выйдет на сцену в первых рядах... Но вдруг я ошибаюсь? Может, если буду в конце, то жюри меня лучше запомнит?»

Звук разбитого стекла, донесшийся до неё, заставил Любу подскочить на месте, а потом со всех ног броситься в гримерку. Следом за ней туда же поспешили ведущая и одна из официанток.

Девочка замерла на пороге, не веря своим глазам: весь пол был усеян мелкой хрустальной крошкой. Посреди гримерки стояла Соболева, с самым трагическим видом заломив руки:

– Любаша, прости! Я только хотела поближе рассмотреть

твой чудесный венец, а он – возьми да и выскользни из рук! Какая жалость, правда? Не волнуйся, моя мама возместит стоимость вещи, – Женька перевела хитрющий взгляд чуть раскосых глаз на ведущую, – Римма Федоровна, в «Московском шелке» найдется какое-нибудь украшение, которое Люба могла бы использовать вместо венца? Ну, там, ленточка, цветочек?

– Ленточка, цветочек?! Да ты специально его разбила! – взревела Люба и уже собиралась кинуться на соперницу с кулаками, но была остановлена сильной рукой ведущей.

– Конечно, мы найдем что-нибудь. Люба выступает предпоследней, и мы успеем... Но, Евгения, после шоу я бы хотела серьезно поговорить с вашей матерью.

– Без вопросов, Римма Федоровна, – Женька скромно потупила глаза. – А пока буду готовиться к выходу на сцену. Ведь мой номер – третий по счету. Мне предстоит петь романс. Любаш, ты смотрела «Жестокий романс»? Мне особенно удаются песни из этого фильма. А что ты подготовила?

– Какая же ты дрянь, Соболева! – Журавлева крепко сжала кулаки, так что ногти вонзились в кожу, затем резко повернулась на каблуках к ведущей:

– Кто пойдет искать для меня реквизит? Вы?!

В разговор вмешалась стоявшая рядом официантка:

– Римма Федоровна не сможет. Она открывает конкурс. Пойдемте со мной. Я отведу вас к администратору, там разберемся...

Глава 3. Прическа по старой моде

За стеной приглушенно звучала очередная «минусовка», и, кажется, шло выступление участницы под номером «девятнадцать». Люба сидела у трюмо, сложив руки прямо перед собой, не в силах оторвать взгляд от прозрачной пластмассовой банки, в которую девушки из обслуживающего персонала «Шелка» упаковали остатки хрустального кокошника. Острые камни, сверкающие в приглушенном свете гримерки, напоминали сказочную алмазную гору.

«Гора моих надежд, – мрачно размышляла Люба, – интересно, что теперь скажет дядя? Хотя это и так ясно. С Соболевыми из-за меня он ругаться точно не станет. Просто загнобит: «ну и дура, раз не уследила за нарядом спонсора, бросила его без присмотра». Да еще высчитает с меня стоимость вещи. Хотя, чего я волнуюсь? Он и так забирает все заработанные деньги!»

– Люба, думаю, вот эти две атласные ленты подойдут к сарафану. Посмотри, какая лучше, – белая или синяя! – доброжелательный голос администратора Маши вернул девочку к реальности.

Люба критически осмотрела обе ленты, и удовлетворенно кивнула:

– Беру синюю. Белая по цвету сольется с волосами.

Маша кивнула:

– Пожалуй, ты права. А какую ты хотела сделать прическу?

Люба, невольно охнув, вспомнила, что собиралась переплести «косу». Та к настоящему моменту изрядно растрепалась.

– Обычная «коса»? Тебе не кажется, что это слишком просто?

– Возможно, но что же делать? Я ведь – не волшебник, а только учусь, как говорится. Это касается и прически. «Коса», «хвост», две «косички», вот и все, что умею. В агентстве «Звездный компас» у нас есть свой стилист. Обычно, перед съемкой, она мне помогает...

– Хочешь, сегодня я побуду твоим стилистом? – просто и тепло улыбнулась Маша. – Если доверишься мне, сделаю прическу, которая подчеркнет твою индивидуальность, и сильно не изменит этот... ммм...русский колорит, – она кинула выразительный взгляд на синий бархатный сарафан Журавлевой.

Время от времени, девочка поправляла пышные белые рукава, украшенные вышивкой, словно говоря: «Я выше этого, я справлюсь». Маше захотелось поднять ей настроение любой ценой:

– Похоже, ты сомневаешься в моих силах. Но у меня есть младшая сестренка. Я могу сделать тебе чудесную прическу, какую однажды сотворила ей на Новый год в третьем классе.

– Но сейчас – не Новый год, и я – не в третьем классе, –

вяло попыталась отказаться от чужой помощи Люба.

– Только подумай – твои золотистые пряди не будут спрятаны в «косе», а подчеркнут овал хорошенького личика. А плетение косицы по самому краю, как делали дамы в средневековье, сделает волосы похожими на покрывало из шелка.

Девочка улыбнулась и согласно кивнула. Может, образ средневековой дамы и не слишком вязался с ее песней и костюмом, но с распущенными волосами ей всегда шло больше. Да и подобную прическу ей еще не делали.

Некоторое время администратор Маша просто расчесывала ей волосы, тихонько насвистывая себе под нос слова из песни, гремевшей за стеной, на сцене большого зала.

Люба расслабилась, чувствуя плывущее по коже приятное покалывание. Странно, но до этого сменявшие друг друга стилисты из «Звездного компаса» ни разу не вызывали у нее ощущения теплоты, чего-то родного и близкого. А ловкие пальчики Маши, подхватывающие прядь за прядью от ее русых волос, переплетавшие их, и ловко укладывающие в хитрую прическу с помощью шпилек, резинок и лака, заставляли Любу получать удовольствие от самого процесса. И, четверть часа спустя, зеркало отразило Журавлевой ее новый образ. Результат чужих усилий внушал уважение – волосы превратились в люксовое полотно с ламинированным эффектом, напоминающее мулине цвета золотистый металлик. По краю волос окантовкой изящно выделялась тонкая коса.

Маша как раз споласкивала водой руки, когда Люба сумела пораженно выдохнуть:

– Супер! Лучшая прическа, которая у меня была! И мне даже немного жаль, что вы заканчиваете... На минуту я представила, что меня заплетает мама... – девочка резко замолкла, почувствовав, что взболтнула лишнее.

Но Маша не заметила неловкости:

– А твоя мама сейчас в зале, с другими гостями, «болеет» за тебя? Познакомишь нас после конкурса?

Люба покачала головой и вдруг, неожиданно для себя, сказала правду:

– Я при всем желании не могу вас познакомить... Мама и папа, они... Погибли в автокатастрофе. Это было давно. Я видела маму только на фотографиях.

Девочка замолчала, задумавшись, почему у дяди не нашлось ни одной фотографии её отца. Раньше ей и в голову не приходило спросить о нем. Возможно, она просто старалась не злить и без того не слишком расположенного к ней опекуна.

– Прости, Люба, я не знала, – расстроилась Маша. Повисла еще одна неловкая пауза, после которой администратор вдруг добавила, – не расстраивайся так из-за кокошника. В модельном бизнесе, как и в любом другом, всегда найдутся завистники, как твоя Соболева. Киснуть из-за этого не нужно, тем более, скоро твой выход. Еще чего доброго из-за такой ерунды испортишь свое выступление. Ведь она этого и

добивалась: разозлить тебя, вывести из равновесия. Неужели, ты позволишь ей манипулировать собой? То, что она сделала, доказывает только, что она очень сильно боится тебя. Понимаешь? А я буду сегодня за тебя «болеть». Так что, не смей проигрывать!

Журавлева чуть склонила голову набок, так что ровная тонкая коса по краю волос мягко мазнула по щеке. И, правда. Когда это она, Люба, успела стать такой «плаксой»? Ну-ка, взбодриться! Пусть у нее нет особых оснований добиваться победы в конкурсе, но это не значит, что она отдаст первое место без борьбы:

– Вы правы. Я выступлю на «все сто». Большое спасибо за помощь!

Маша игриво прищурилась:

– «Спасибо», и все? Приз на конкурсе – кругленькая сумма, пусть и в рублях. Поделишься?

– Попрошу дядю, чтобы он отдал вам часть, – серьезно ответила Люба. – Или я больше не буду работать. Но, не уверена, что он легко расстанется с деньгами, если первый приз, все же, достанется мне. Придется попотеть...

Администратор Маша весело расхохоталась и потрепала её по щеке:

– Да ты что, я же пошутила. Лучше приходи ко мне в гости в выходные. Познакомлю с сестричкой, испеку торт. Поиграем в карты или в приставку. Придешь?

Люба растерялась. Ходить в гости к незнакомым людям в их семье было как-то не принято. Дядя вообще внушал ей вести себя осмотрительно и не доверять чужим. Но Маша не похожа на плохого человека. К тому же, у нее, у Любы, нет настоящих друзей. В модельном бизнесе каждый за себя. И в школе также – невозможно просто учиться, приходится постоянно действовать с оглядкой, ведь защитников у Любы нет.

– Хорошо, я приду, – девочка несмело улыбнулась. Ей в голову пришла мысль, что в жизни нет случайностей. Нет плохих или хороших событий. Все зависит от личного отношения. И сегодня выходка Соболевой помогла ей, Любе, завести первого друга.

Глава 4. «Барышня»

Зависимость – страшное дело! Без инстаграммы и лайков от совершенно незнакомых в реале сетевых друзей, Люба чувствовала себя обделенной, словно теряла некую «самость». Запечатлев на селфи себя с новой прической и загрузив фото в сеть, девочка напряженно наблюдала за количеством последовавших лайков от подписчиков. К ее неудовольствию, лайков набралось всего пять штук. А ведь обычно набегало до пятидесяти! С досадой спрятав телефон подальше в сумку, Люба вернулась к насущным проблемам.

Проверив в последний раз, прочно ли закреплена атласная лента, концы которой падали на спину, Люба придержала край тяжелого бархатного сарафана. Наряд в ответ засверкал синими стразами в форме ромбиков, создавая ощущения очень дорогого костюма. Хитрость ее образа заключалась в том, что с виду простая модель сарафана, была украшена по кайме и выточкам стразами, мерцающими, как звезды при каждом легком движении.

Девочка бодро застучала каблучками по полу, спеша занять место в зале. Сначала ей казалось правильным не выходить, вплоть до момента своего выступления, чтобы не волноваться, сравнивая себя с другими участницами. Вот бы достать любимую ПСП-игру из сумки, полностью погрузившись в другую реальность. Но, заигравшись, можно пропу-

стить свой выход.

Да тут еще и Маша так пристально наблюдала за ее сборами! Администратор покинула гримерку, только убедившись, что Люба села за круглый маленький столик в третьем ряду. Под ее внимательным взглядом девочка постеснялась достать из сумки игру. Она побоялась выглядеть непрофессионально в глазах Маши.

Пришлось сидеть, слушать чужое пение, и, в страхе перед собственным приближающимся выступлением, терпеть мурашки, волной бегущие по телу. Когда объявили номер «двадцать восемь», Журавлева вышла на сцену. Сарафан путался в ногах. Люба страшно боялась запнуться об него. Стоило лишь вступить под разноцветье лучей софитов, ей показалось, что даже пол под ней прогнулся. Зато свет настолько бил в глаза, мешая рассмотреть лица в глубине зала, что она перестала бояться публики. Заметив тройку жюри, сидевшую справа от сцены, Люба решила петь для них.

Первым делом она представилась:

– Любовь Журавлева, тринадцать лет. В свободное время люблю читать и играть в компьютерные игры. Я исполню русскую народную песню «На Муромской дорожке».

Затем она отвесила низкий поклон по старинному обычаю: прижав одну руку к сердцу, и потом медленно, полубединому плавно склонившись, коснулась пола кончиками пальцев.

В зале зашептались. Любе послышался громкий смешок.

Кажется, Соболева никак не хотела послушать совета матери, и вести себя тише.

А потом включили музыку... И тут для Любы полной неожиданностью оказалась зазвучавшая «минусовка». Какой-то ремикс на её песню – слишком быстрый и совершенно не подходящий к напеву, что она готовила.

На мгновение её охватило отчаяние. Ну, почему ей так не везет? Сначала едва не опоздала на конкурс, потом история с кокошником, и сейчас, под занавес, другая «минусовка»! И так всю жизнь! Как будто, кто-то при её появлении на свет, играл в кости на её будущее, и с треском проигрался!

«Им же должны были еще вчера прислать нужную запись!» – Журавлева в панике почувствовала, что не попадает в такт, торопится. Все это отнюдь не способствует успеху её выступления. Щеки горели от унижения.

Раздраженно топнув ногой, Люба громко крикнула:
– Остановите музыку!

Не сразу, но ее просьбу удовлетворили.

Один из мужчин, член жюри, дяденька средних лет, на вид самый уставший, ворчливо заметил:

– Что же вы даже не смогли до конца допеть?

Люба ответила:

– Это не моя запись. Я не готовилась петь в таком быстром варианте. Я могу спеть «акапелло»? Насколько помню, это не против условий конкурса.

Мужчина неодобрительно крякнул и вопросительно поко-

сился на коллег. Женщина справа от него, в коротком бордовом платье с длинными рукавами и голой спиной, ответила Любе:

– Да, попробуйте, мы не возражаем. Жаль, конечно, что вы не проверили музыку до шоу. Но, видимо, с последними номерами всегда так...

Люба едва не захлебнулась от обиды, услышав про «последние номера», но смолчала. Ей требовалось собраться и спеть как можно лучше – чтобы те, кто недавно смеялся над ней, примолкли.

Люба прикрыла глаза на мгновение, мысленно представляя развилку широкой дороги, на которую бросают тень высокие сосны, и статную девушку в длинном сарафане, прощающуюся с любимым. Она знает, что он вернется, она будет верить и ждать. И тем мучительнее её разочарование, когда, она снова встретит его на этой же дороге «с красавицей-женой...»

Её голос зазвучал в полной тишине сначала спокойно и ровно, затем, набрал силу, выплескивая на слушателей самое сокровенное, знакомое каждому: боль от разлуки, надежду, горечь измены и силу настоящей всепоглощающей любви. Песня словно затрагивала что-то, скрытое глубоко в сердце, заставляя сопереживать героине.

Люба не видела, как Женька отвернулась, не в силах смотреть на соперницу, как горько вздохнула её мать, подумав о чем-то, давно забытом, за шопингом и поездками на модные

курорты. Администратор Маша наклонила голову, пытаясь скрыть подступившие к глазам слезы.

... А песня все звучала и звучала, чаруя и околдовывая каждой нотой, каждым повтором. Любе казалось, что её омывает теплая волна, поднимая все выше и выше. Словно её душа рвалась прочь из тела, к высокому небу, скрытому сводчатым потолком зала. И, лишь гром аплодисментов, обрушившийся внезапно, заставил её открыть глаза и вернуться в реальность.

Кто-то, сидевший за столиком жюри, тоже хлопал. Кажется, женщина, что разрешила ей спеть. Еще раз, коротко поклонившись, бледная Люба на негнущихся ногах поспешила покинуть сцену.

Соседка по столику, девочка с длинными темными волосами и смуглой кожей, похожая на татарку, показала ей большой палец:

– Молодчина! Ты классно выступила!

Люба от радости готова была ее расцеловать, но сдержалась. Только улыбнулась в ответ, и, обхватив себя руками, попыталась сдержать нервную дрожь.

– А теперь объявляем победителей! Третье место на конкурсе «Барышня» занимает Татьяна Воротнюк, поздравляем!

«Конкуренты дяди остались позади», – с легким превосходством отметила Журавлева про себя, очень надеясь на

успех.

Когда гул аплодисментов стих, а цветы и диплом торжественно вручили загрузившей обладательнице третьего места, по залу снова пронесся легкий шепот, выдающий волнение присутствующих. Чтобы лишний раз не переживать, Люба принялась складывать из бумажной салфетки «журавлика».

– Второе место заслуженно достается Любове Журавлевой, представительнице модельного агентства «Звездный компас». Выходите на сцену, Люба!

Люба, едва передвигая ставшие каменными ноги, медленно пошла к сцене. Что ж, она так старалась, а первое место все равно ушло к другой. И, даже думать страшно, к кому именно!

Римма Федоровна, ведущая шоу, елеиным голоском обратилась к девочке:

– Вы поразили жюри своей выдержкой и самообладанием, Люба! И, конечно, пением. Вы – очень смелая и талантливая девочка! В этом году вам немножко не хватило опыта, но в следующем, мы уверены, вы получите первый приз! Поделитесь со зрителями, как вы себя чувствуете, находясь, кажется, всего в шаге от победы?

Журавлева ненавидела подобные вопросы. Но пришлось натянуть на лицо дежурную улыбку и поклониться:

– Я рада, что мои старания оценили. Но мне еще есть, к чему стремиться. Благодарю всех, кто помогал мне и верил

в меня! Второе место – это тоже неплохо.

– Вы правы, Люба! Мы все желаем вам удачи! – сияющая Римма Федоровна вручила ей диплом, цветы и две небольшие корзинки. В одной поблескивала косметика от «Ив Роше», другая была забита шоколадом.

«М-да, подарить модели сладкое. Умно, ничего не скажешь. Дядя раздаст эти батончики работникам агентства», – невесело подумала Люба. И в этот момент объявили победительницу:

– Первое место занимает Евгения Соболева, исполнившая душевный романс «Любовь – волшебная страна» из кинофильма «Жестокий романс». Женечка, наши поздравления!

...Люба не сразу заметила, что уронила букет цветов прямо на пол.

Глава 5. Разные уровни

Люба сидела в кожаном кресле, краем глаза наблюдая, как участницы конкурса собирают вещи и потихоньку расходятся. Фаворитки шоу «Барышня» среди девочек не было: то ли она решила не толкаться в общей куче, а спокойно переодеться позже, в полной тишине, то ли ее задержали журналисты, до конца конкурса мирно дремавшие в последнем ряду.

Журавлева тоже не избежала этой участи – сказать пару напутственных слов на камеру для телевизионной передачи. Программа предназначалась для активных мальчишек и девочек, а также их заботливых родителей. Люба не забыла упомянуть и модельное агентство «Звездный компас», но не для того, чтобы дядя потом похвалил. Просто, по привычке.

А сейчас девочка шуршала страницами глянцевого журнала «Фонари». На тумбочке рядом с ней находилась целая стопка. Предполагалось, что участницы и их родители разберут по выпуску, но почему-то журнал проигнорировали. Многие девочки были расстроены результатами конкурса и торопились покинуть «Московский шелк», не замечая ничего вокруг.

Любе же очень хотелось перекинуться парой слов с Соболевой. Может, это глупо, но руки просто чесались вцепиться королеве дня в ее напомаженные волосы:

«Выскажу все, что о ней думаю, в лицо! Тогда хотя бы легче станет. И пусть не мечтает, что победила. Еще не вечер! Соболева однажды пожалеет, что перешла мне дорогу. И тогда извинится за этот случай. А я... Я стану намного популярнее ее!»

В журнале оказалось нечего читать. На каждом развороте – по яркой рекламе (шампуни, духи, косметика и тому подобное), и небольшие заметки на популярные темы – о любви, жизни «звезд», о новых фильмах и книгах.

Перевернув последнюю страницу, Люба, наконец, поняла, что осталась в одиночестве. Переодеться в джинсовый сарафан она давно успела, потому просто скучающе уставилась на дверь. Чтобы хоть как-то скоротать время, Люба перебирала в памяти конкурс, и последовавший за ним банкет.

Поела она сразу после оглашения результатов. Кусок в горло, конечно же, «не лез». Запеченное мясо, немного сыра, пару стаканов вкусного вишневого сока, и тарелку овощного салата, она в себя стоически запихнула. Просто потому, что для нее это – настоящий пир. Михайловна постоянно пичкала их с дядей «ужасно полезной», по её словам, но отвратительной на вкус едой. Да и порции Любе доставались «воробьиные», по причине того, что модель должна контролировать свой вес.

«Хотя бы поела вкусно», – вздохнула про себя Журавлева, и в эту минуту дверь в гримерку отворилась. Соболева всплыла в комнату все в том же белоснежном наряде, распро-

странная вокруг себя запах приторно-сладких духов.

Люба с некоторым сожалением подумала о том, что уже выпила весь вишневый сок. А то можно было бы «случайно» испортить одно очень красивое платье.

– Журавлева, ты чего домой не идешь? Думала, все уже разошлись. А ты тут, в темноте... Просто сцена из фильма ужасов! Кстати, прими поздравления. Прическа у тебя симпатная. Где нашла парикмахера в последнюю минуту? Не ожидала от тебя, да...

Люба поднялась и подошла к сопернице вплотную, глядя ей прямо в глаза. Они с Соболевой одного роста, но для конкурса Женька надела туфли на высоком каблуке.

– Гадина ты и стерва, – процедила сквозь зубы девочка, и вдруг поняла, что зря теряла время, чтобы дожидаться Соболеву. Все равно та никогда не признается в том, что специально разбила кокошник, чтобы вывести соперницу из игры. К тому же, из-за проигрыша теперь уже сама Люба ведет себя так же, как Женька, с самого начала конкурса. – Но все равно, прими мои поздравления с честной победой. Надеюсь, она тебя устраивает.

Журавлева подхватила сумку и пакеты и направилась к выходу, не ожидая, что Женька метнется за ней. Соперница преградила ей путь. Лицо Женьки потемнело от гнева, губы дрожали:

– Погоди-ка, «Аленушка»! Ты на что это намекаешь, а? Думаешь, если бы я не разбила кокошник, ты бы выиграла

конкурс? Очень смешно! Ты даже не приехала вовремя, чтобы проверить «минусовку»! Ты не смогла допеть до конца и попросила, чтобы выключили музыку! От твоей вялости, твоего равнодушия, меня тошнит, Журавлева. К тому, что случилось с твоей песней, я точно не причастна. Признайся, хоть сейчас признайся, что ты вообще не хотела выступать! И победа тебе не нужна. Вот она тебе и не досталась... А для меня эта победа – всё! И это не деньги, и не слава, нет. Это – мой билет в модельный бизнес! Возможность выбрать любое агентство, и подписать любой, самый крупный, контракт. Появиться во всех зарубежных журналах, посвященных моде. И я это заслужила, я столько сил приложила, чтобы стать лучшей! А ты – просто неудачница, Любка! Сирота, которую скинули на дядю родственнички! Какая из тебя модель? Не смейся меня! Скажи лучше, в кого ты такая уродина, что на сцену выпускать страшно? В свою мамочку?

Люба едва не ударила её. Не жалея, со всей силы. Гораздо сильнее, чем ее саму с утра стукнула Михайловна. Женька это заслужила. Пусть говорит, что хочет, про нее, но не про тех, кого уже нет в живых...

Но пощечины не последовало. Запястье Любы в последний момент перехватила чья-то твердая рука. Журавлева с вызовом повернулась к миротворцу. И тут же сникла, покраснев. На нее хмуро и огорченно смотрела администратор Маша:

– Вы, что, забыли, что за драки дисквалифицируют? Да-

вай, Соболева, переодевайся, зал скоро закроют. А ты, Люба, иди за мной. Ты обещала заглянуть ко мне.

Вздыхнув, Журавлева, повернулась и поплелась за администратором «Шелка». Ей вслед неслось злобное шипение королевы дня:

– Что, «Аленушка», заводишь друзей среди обслуживающего персонала? Не ожидала от тебя!

Люба сделала вид, что не слышит. Гораздо больше она волновалась, что сейчас её замучают нотациями по полной. За ссору, за злость, за то, что чуть не ударила Соболеву. А если администратор решит сообщить об инциденте её дяде...

Но, нет. Вернувшись в рабочую комнату, Маша просто протянула ей вырванный из блокнота листок, где были записаны адрес и телефон:

– Хоть ты и не победила сегодня, но все равно боролась до самого конца. Так что не опускайся до уровня Соболевой. Учти ошибки и постарайся их больше не совершать. И однажды ты поймешь, что многого достигла! Есть люди, которым не все равно, и которые верят в тебя, Люба. Знаю, как порой важно это услышать. Жду тебя в следующие выходные в гости. Пиши эсэмэски!

Люба на мгновение замерла, затем очень быстро, дрожащими пальцами спрятала листочек в карман джинсового сарафана. А после порывисто обняла администратора Машу. Затем, отстранившись, лукаво подмигнула ей перед тем, как уйти:

– Спасибо за все. И за прическу, и за то, что остановили меня. Я обязательно приду к вам в го

Глава 6. Живой манекен

Люба вспомнила, что оставила вещи от спонсоров в примерке уже на крыльце «Шелка». Пришлось возвращаться. Конечно, снова сталкиваться с Соболевой не хотелось. Просто видеть эту кикимору в ближайшем столетии будет неприятно.

«Но, что же делать? Мне нужны эти пакеты. Лучше завести их сегодня в агентство, а завтра – отдохнуть. Да и дядя голову оторвет, если узнает, что я потеряла вещи спонсоров», – огорченно думала девочка, снова пересекая просторный холл.

И тут она с удивлением заметила, как в примерку заходит мужчина. Был он статен, высок, в нелепой шляпе-цилindre и с кожаным портфелем в руках. Когда неизвестный скрылся за приоткрытой дверью, Люба, ощутив укол любопытства, на цыпочках подошла ближе, но заходить не стала.

Соболева уже переделалась в модные джинсы и, совершенно обычную на вид, серую футболку. Не слишком аккуратно засовывая свой костюм в большой пластиковый пакет, она громко ойкнула, когда ее окликнули со спины:

– Соболева Евгения Макаровна, не так ли?

– Кто вы такой? Я уже ответила на все вопросы Светлане... – нахмурилась Женька, повернувшись и скрестив руки на груди. Наверное, за этот день ей уже хватило, и поздрав-

лений, и журналистов.

Мужчина, не торопясь, поправил шляпу на голове. Ощущалось в его жестах что-то неестественное, механическое:

– Я пришел к вам с очень заманчивым предложением. Рассчитываю на понимание и присущие вашему возрасту амбиции.

– Пойдите-ка... – Женька прикусила губу, стараясь выглядеть спокойно, но Люба, выглядывающая из-за двери, заметила, как Соболева осторожно подбирает слова, чтобы не нахамить. – Наверное, вы из какой-то фирмы. Решили поговорить со мной раньше конкурентов? Вы сообразительны. Но я не буду расписываться ни в каких рекламных контрактах, пока не изучу все «за» и «против». Так что можете оставить мне бумаги или визитную карточку. Завтра мой менеджер с вами свяжется... – Соболева величественно вытянула вперед руку. На запястье сверкнул браслет из зеленых камней.

– Евгения, к моему глубокому сожалению, я не могу ждать до завтра. На пребывание в этом мире нам дается только один день. Выбрать кандидата, доставить кандидата. Куда уж проще, казалось бы. Но все осложняется маленькой деталью, – представитель неизвестной фирмы сделал короткую паузу, в процессе которой всунул Женьке визитку.

Женька, как всегда, была слишком занята собой, чтобы вслушиваться в его сбивчивую, приглушенную речь. Но визитку с вытесненными на ней буквами рассмотрела:

– Делёж Дробь Один, манекен, уполномоченный Гриотами... Что за чушь?

Соболева протерла глаза, прочитала еще раз, потом вдруг расхохоталась, чуть помахивая карточкой, как маленьким веером:

– Это, что, Любка придумала? «Развести» меня? Видать, карманные деньги бедняжке девать некуда. Догадалась позвонить в передачу «Скрытая камера», курица бесхвостая! Ну, и где камера, болван?!

– Уважаемая Евгения Макаровна, от вас требуется только согласие. И больше ничего. Это делается, чтобы соблюсти закон равномерности миров. Но вы должны дать свой ответ прямо сейчас. Вы готовы последовать за мной и стать той, что изменит судьбу параллельного мира?

– Катись отсюда, пока не вызвала охрану! – Женька резко оборвала смех, и, оперев руки в боки, грозно двинулась на мужчину. Это выглядело комично – щуплый подросток наступает на крепкого, высокого дядю, пусть и немного растерянного. Но Люба не смеялась. От чужака в цилиндре веяло какой-то бездушностью, свойственной роботу, а не живому человеку. Что-то знакомое и опасное, какое-то неуловимое воспоминание, вызванное этим мужчиной, не позволяло Любе просто войти в примерку и взять пакеты. А растущее в геометрической прогрессии чувство тревоги за Женьку удерживало девочку от того, чтобы просто сбежать, забыв о том, что видела.

– Итак, вы выбрали не добровольную, а принудительную транспортировку. Иногда такое бывает. Это не проблема для нас. Выбранного кандидата доставят в любом случае. А вот вы лишили себя некоторых привилегий.

– Принудительную-чего? – побледнела Женька, замерев на месте с открытым ртом и вытаращенными глазами. Она словно застыла, в один миг превратившись из обычной девочки, в двухмерный образ с плохой фотографии. Тем временем колдун (а как теперь Люба могла его назвать?) тоже внешне изменился. Черты лица дрогнули и стали расплываться. Спустя несколько секунд посреди гримерки стоял манекен из золотистого пластика, одетый как человек. При этом манекен был живым – он двигался, расстегивая свой гротескный кожаный портфель.

В полумраке мелькнул луч света, исходивший от жутковатой сумки Делёжа. Когда колдун повернул сумку боком к себе, словно с чем-то сверяясь, Люба почувствовала, что волосы на затылке зашевелились от ужаса. Прямо из кармана сумки ей, Журавлевой, любовался человеческий глаз. Хотя... Нет, скорее это стеклянный глаз, а не человеческий. Но он моргал, совсем как старая кукла Любы, которую ей подарила воспитательница в детском саду.

Глаз вдруг начал сиять – сначала слабо, потом все ярче, создавая узкий коридор света. Чужак, совершенно не замечая присутствия постороннего (или не заботясь о нем), повернул чудовищный портфель так, что свет из него стал па-

дать на Женьку, медленно охватывая всю ее фигуру.

В этот миг Люба забыла обо всем: и о злости на Женьку, и о собственной безопасности. Она знала только одно – что не может позволить Соболевой исчезнуть.

Возможно, если бы девочка не действовала импульсивно, все сложилось бы иначе. Например, она могла вырвать портфель из рук чужака и убежать. Или попробовать напасть на манекен со спины. Или позвать на помощь кого-то из взрослых...

Но минуты уходили, а ей просто хотелось спасти Женьку. Задиру-кривляку-Женьку, которая постоянно ставила ей «подножки» в модельном бизнесе. И Люба, ворвавшись в комнату, просто толкнула свою главную соперницу, как можно дальше в сторону. И сама попала в круглый луч света, исходящий из портфеля колдуна.

– Любка! – пораженно воскликнула Соболева, больно стукнувшись макушкой о пол, но успев заметить, как та буквально растворяется в воздухе.

Манекен из золотистого пластика огорченно покачал головой, глядя на Женьку с высоты своего роста:

– Жаль, очень жаль, Евгения. Вы пропустили занятное приключение. И Гриоты тоже будут недовольны. Но мы можем забрать из этого мира для испытания только одного человека. Сегодня мы видели добровольное согласие... Но, к сожалению, не от вас.

Соболевой показалось, что по гладкому лицу манекена

скользнула ухмылка. А затем Женя просто лишилась чувств. Она ничего не видела, не слышала и не ощущала. Ровно две недели.

Глава 7. Плакун

Любе казалось, что она падает сквозь разноцветный круглый коридор, состоящий из сменяющих друг друга колец. Словно бы она съела волшебный фрукт, уменьшающий тело, и провалилась в детскую пружинку, которую неизвестный озорник перекачивал из ладони в ладонь.

В какой-то момент почувствовав, что не может стерпеть тошноту, подступившую к горлу, девочка потеряла сознание. А когда пришла в себя, не узнала место, в которое попала.

Прежде чем открыть глаза, Люба попыталась подвигать кончиками пальцев. Ей казалось, что после такого падения от нее ничего не осталось. Даже каких-то маленьких кусочков. Ведь это – как свалиться с вершины Москвы-сити!

Наконец, девочке удалось пошевелить онемевшими пальцами. И впиться ногтями в землю. Да, под ней явно земля. Не пол, не асфальт. Но еще невероятнее ощущать дуновение ветра, разметавшего пряди волос.

Люба боялась открыть глаза. В голову лезли самые плохие мысли. Например, что она умерла там, в примерке, защищая Соболеву. А сейчас тот злобный манекен стоит рядом, и ждет, когда ее душа очнется, чтобы мучить ее. Чего только в голову не ползет, если любишь читать на ночь комиксы и фэнтези!

Открыть глаза было необходимо. И Люба сделала это, несколько минут неподвижно глядя в нависшее саваном высокое небо над головой, плавно скользящую по нему пелену облаков... и солнце!

Сначала она просто лежала, не двигаясь. Даже просто дышать страшилась. Потом собрала все силы, перевернулась на живот, стремясь закрыться от солнца. То шпарило совсем, как южное в знойный полдень.

«А, что, в загробном мире солнце тоже светит? – удивилась девочка, прижав прохладные от земли ладони к щекам. – Ой, что я делаю! Сейчас буду чумазая, как трубо-чист!»

Но ее опасения не оправдались. Оказалось, что земля, на которой она «отдыхала», была белой. Совершенно белой. Как первый снег. Или зубной порошок, только без характерного мятного запаха. Или как песок на райских островах вроде Бали. Любе доводилось о них слышать и даже рассматривать картинки, но оценить в реальности пока не удалось. Оставалось надеяться, что однажды она станет известной моделью, которую позовут сниматься на обложки известных журналов в других странах.

Люба задумчиво подперла голову кулаком, разглядывая окрестности. Они поражали унылым единообразием. Сразу стало ясно несколько вещей. Первое: Журавлеву забросило куда-то очень далеко от цивилизации. Второе: она в лесу. Третье: лес странный, ни на что не похожий. И, если Люба

обобщит свои наблюдения, то подытожит, что лес летний и зимний одновременно.

При этом снег здесь отсутствовал. Воздух был теплым, позволяя Любе не мерзнуть в ее джинсовом сарафане и легкой обуви. Никаких птиц на деревьях или надоедливых насекомых, от которых порой приходилось отмахиваться даже в Москве. Нет здесь и цветов, кустарников, травы. Никаких признаков водоемов поблизости. Просто белая рыхлая земля как в пустыне. Или на горе залежей известняка...

А деревья... Вот они особенно выделялись! Они стояли близко друг к другу, переплетая между собой множество белых, как земля, веток, лишенных листьев. Прямые и ровные узоры из одинаковых ветвей с кучей отростков неприятно напомнили Любе рисунки, изображающие строение человеческой нервной системы в учебнике по биологии.

«Точно я попала в сказку про Гретель и Гензеля. Там тоже был пугающий лес. Конечно, не белый... Но такой же опасный! Прямо чую, сейчас выйдет из-за дерева злая ведьма...»

Решив, что следует выбираться из этого неприятного местечка, Журавлева поднялась, отряхнула землю с колен, и тут заметила свою сумку, припорошенную песком. На сердце сразу стало теплее.

«Если мобильник работает, то сразу позвоню... По крайней мере, попытаюсь связаться с внешним миром!»

Люба, вздохнув, вспомнила о пакетах, оставшихся без присмотра в примерке банкетного комплекса «Шелк»: «Эти

спонсорские вещи сейчас хотя бы в родной и безопасной, или относительно безопасной, Москве. А я, вообще, где?!»

Порывшись в сумке, Люба вытащила мобильный. И не сдержала тяжелый вздох. Синий «Самсунг» со смешной стеклянной подвеской – четырехлистным клевером – разряжен. Или, возможно, сломался. В мутно-сером экране отразился нахмуренный Любин лоб.

Шансы выбраться из леса таяли на глазах.

Люба убрала телефон подальше в сумку, подавив желание швырнуть его в песок, как бесполезный хлам. Не стоит топиться. Вдруг она сумеет вернуться через ту волшебную дыру (или кроличью нору?), которая её сюда привела. А другой мобильный телефон ей все равно не купят. Да и все ее важные контакты в этом телефоне.

«Если все-таки сломался, отнесу в ремонт. Когда выберусь», – поправив на плече сумку, девочка решительно пошла вперед, выбирая путь, где светлее, и деревья росли подальше друг от друга. Она внимательно оглядывалась по сторонам, с осторожностью ступая по земле. Мало ли, какую опасность скрывает белый песок? Например, существуют зыбучие пески. Вдруг здесь и болота есть?

Мысли Любы прервал громкий женский плач. Оглушающее «аааа» доносилось откуда-то справа.

Люба, в прошлом обходившая стороной рыдающих людей, облегченно вздохнула. Все-таки в этом заколдованном месте она не одна. Прибавив шагу, девочка направилась в

сторону, откуда слышался плач, и через минуту выскочила на поляну.

Открытое место в лесу внушало надежду по ряду причин. Часть деревьев срублена. Правда, давно, и уже поросла белым мхом. Главное, деревья срублены человеческой рукой. И перевезены куда-то. Из этого следовало, что где-то не очень далеко живут люди. Остается только немного подумать и найти выход самой... Или спросить эту расстроенную женщину в белом одеянии, напоминающем платье или тунику.

Да, все-таки следовало обратиться к ней, подобрать нужные слова. Наверное, у неё какое-то горе. К сожалению, Люба не любила и не умела утешать плачущих людей. И она не знала, что случилось с незнакомкой. Девочка только надеялась, что дама не закатила истерику по той же причине, по которой и Люба сейчас здорово нервничает. Например, ее тоже забросило сюда воздушным потоком! Тогда, вероятнее всего, Журавлева лишится последней соломинки, не позволяющей ей пасть духом.

...Женщину сотрясали рыдания. Она прятала лицо от солнца и от невидимых лесных жителей в запутанных длинных волосах. Была она худая, босоногая и явно измученная.

– Простите. Вы так горько плачете! Может, я смогу чем-то помочь? – осторожно попыталась обратиться к ней Люба. Женщина в ответ зарыдала еще громче и горестнее, задрожала, сжавшись в комок.

«Надо ее успокоить. Что обычно делают в таких случа-

ях? Не знаю, никогда не пробовала выступать утешительницей. Нет у меня необходимого опыта... Вот у администратора Маши получилось бы. Она просто подошла к этой женщине и обняла бы ее», – мысленно вздохнула Люба. Девочка понимала: выбор у нее не велик. Можно и дальше скитаться по лесу в поисках выхода. А можно успокоить женщину и узнать от неё хоть что-то о месте, где они оказались.

Люба решительно подошла к женщине и обняла ее за плечи. Лица незнакомки девочка не видела. Ровно до того момента, пока опрометчиво не наклонилась к ней. В тот же миг волосы новой знакомой точно по волшебству поднялись в воздух, открывая лицо.

Журавлева заорала от ужаса. Она уже видела сегодня один живой манекен. Но тот напоминал куклу, когда сбросил магическую «маску». Сейчас же перед ней сидело существо из плоти и крови с очень бледной кожей. И без лица.

Попытка трусливо убежать, разумеется, с треском провалилась. Волосы женщины вдруг удлинились и переплелись точно хищные ядовитые змеи, и, спустя мгновение, облепили Любе ноги и руки. Словно тончайшая и одновременно прочная проволока, они держали ее, не позволяя вырваться или обороняться. И тут на девочку накатила волна апатии. Все кругом стало безразлично как грустной принцессе из старого мультфильма «Бременские музыканты», когда отец вернул блудную дочь во дворец. Страх, удивление, желание сбежать и жить – все исчезло. Мир вокруг перестал су-

существовать. Единственная необходимость – забыть обо всем и заснуть.

Перестать существовать. Навсегда. Ощутить тишину и покой...

Глава 8. Не косплеер и не актер

Темнота рассеивалась медленно. Сквозь дымку, вызвавшую временную слепоту, Люба с трудом разглядела золоченый лук, сверкающий в солнечных лучах. Стрела, вращавшаяся по своей оси, была нацелена прямо в голову Журавлевой. Древко стрелы выполнено из стекла, внутри переливается что-то зеленое, маслянистое.

Прищурившись, Люба рассмотрела и обладателя лука. Что ж. Ее спаситель (и возможный убийца в самые ближайшие минуты) пожалуй, даже хорош собой. За исключением некоторых деталей, над которыми Журавлева собиралась подумать позднее. Если исход их беседы окажется удачным для нее. И не закончится с того, чем начался...

Любе внушил уважение рост незнакомого мальчишки. В их выпуске седьмого «Б» все мальчишки – самые настоящие лилипуты. Конечно, классная, Алина Андреевна, любит повторять, что после восьмого года обучения парни растут как грибы в лесу. Или как дрожжевое тесто рядом с раскаленной печкой. Так что нет причин корчить гримасы во время урока танцев, если партнер на полголовы тебя ниже. Но Люба не хотела ждать, когда перейдет в девятый класс, и гусеницы-мальчишки, наконец, превратятся в бабочек-махаонов.

Ведь при такой нервной жизни можно и не дожить!

А еще сомнительно, что в голове у одноклассников с воз-

растом что-то переменится в лучшую сторону...

Вот почему приходилось засматриваться на юных красавчиков из агентства. К сожалению, те были старше ее, и обходили «Алёнушку» десятой дорогой. Или просто не хотели портить себе карьеру, связавшись с племянницей самого Вадима Журавлева, директора агентства «Звездный компас».

Но вернемся к «стрелку». Ростом обитатель белого леса не обделен, что Люба с удовольствием отметила. Выше ее на голову, железно! По возрасту казался ровесником, лицом – вполне европеец. Значит, можно договориться. Настораживал Любу только его вычурный костюм и волосы немислимой для нормального парня расцветки.

– Ты меня только что спас? – спросила она, чтобы нарушить гнетущую тишину. Парень не сводил с нее тяжелого взгляда темных, как склянка с чернилами, глаз. Он просто молчал и разглядывал ее. Люба расценила это, как мирный жест, и тоже в ответ принялась осматривать его с ног да головы, отбросив пустую застенчивость.

Да, если б дядя увидел этого рыцаря с луком, обязательно постарался бы завлечь к себе в агентство! Посулил большие гонорары, заставил подписать много хитрых контрактов. Ведь красавчики на дороге не валяются, их искать нужно! А тут, на тебе, – и внешность, и обаяние. Опасная аура далеко не пай-мальчика!

– Ты косплеер? – вырвалось у Любы, когда она оглядела его с ног до головы в третий раз. Это вертелось на языке с

момента, как девочка открыла глаза. Все выдавало в нем ко-сплеера: человека, готового «влезть в шкуру» героя любого интересного фильма или книги не ради славы или денег, а во имя искусства!

У мальчишки были длинные синие волосы, уложенные... в оригинальную женскую прическу! Ну, или прическу, которая больше подошла бы представительнице прекрасного пола. Люба мысленно назвала ее «рыбий хвост».

Ровными блестящими прядями волосы лучника укладывались на правую сторону и спадали по красивому лицу лесенкой из завитков. У правого уха, с блеснувшим в нем кусочком камня цвета морской волны, волосы собирались металлическим зажимом в один пучок, который плавно переходил в короткую косицу до плеча. Синюю косу венчали два расписных бубенчика.

«И почему мобильный сломан? Вот кто мне теперь поверит, если расскажу, что встретила парня с таким гламурным причесом?!»

Костюм «лучника» тоже выглядел необычно. Именно он и навел Журавлеву на мысли о косплее. Или о съемках нового фильма с примесью фэнтези. Мальчишка щеголял в белой водолазке с коротким рукавом и приталенных брюках, расклешенных к низу, с пышными оборками по самому краю. Крайне бесполезный наряд для леса.

«Кажется, здесь модно ходить в белых вещах», – размышляла Люба, с удивлением останавливая взгляд на коротком

желтом плаще-накидке поверх простой футболки, который скрадывал мальчишеские плечи. Желтая перчатка без пальцев венчала одну из ладоней, цепко державшую направленный на нее лук. На ногах незнакомца сверкали чистотой кожаные башмаки с закрученными вверх носками.

Парень перед ней вполне мог быть актером, чересчур вжившимся в роль. А она случайно попала на съемки нового фильма. Вот и все. И этот «лапочка», исполнитель главной роли, перепутал ее с чудовищем, которое должен показательно уничтожить.

«Но если так... Та страшная тетка?! Она мне померещилась? Где она?» – Люба скосила глаза в сторону. И увидела рядом с собой кучку дымящейся жидкости грязно-коричневого цвета. Она растекалась по песку, не уходя в почву, совсем как нефть по воде, совсем как...

Ощущение, что она уже когда-то это видела, накрыло с головой. Но вспомнить, откуда оно, Журавлева не смогла.

– Что такое «косплеер»? И ты – что такое? – требовательно и в лоб спросил незнакомец. Девочка мигом уяснила, что в своих умозаключениях допустила глобальную ошибку.

Это – не съемки фильма или рекламного ролика. В её мире нет магии. А здесь она повсюду. Даже в первых встречных людях. А, значит, сейчас она не в Москве. Не в Подмоскowie. Не за рубежом. И даже не на планете Земля. А космос знает где! Но тогда, как же она понимает чужую речь? По закону жанра, они должны с этим мрачным парнем объяснять-

ся знаками. А он болтает на хорошем русском языке. Правильном русском. Без всякого неприятного акцента, с которым Любе приходилось сталкиваться на работе в агентстве, и злиться оттого, что нужно вслушиваться в каждое чужое слово.

Тут к горлу подкатил тугой комок. А она сама по-русски говорит? Может, она, Журавлева, попала в будущее? Здорово бы, конечно, увидеть мир лет через триста, а потом вернуться домой, и давать эксклюзивные интервью, как девочка, преодолевшая пространство и время. Или написать книгу фэнтези. Или собрать ряд исторических фактов, а потом разбогатеть на исключительно точных прогнозах! Когда-то давно Люба мечтала оказаться Алисой из серии книг Кира Булычева. Но, разве такое возможно?

– Я? – Люба ожидала от собеседника больше логики в постановке вопроса. Но ехидничать по поводу умственного развития «стрелка» неразумно. Мысль о том, что она сейчас где-то «где все по-другому», привела ее к выводу, что не нужно действовать сгоряча. Ее чуть не убила тетка без лица. Не зная здешних порядков, легко попасть в неприятности. Правильно сейчас – заручиться поддержкой сильного. А «сильный» стоял перед ней с блистательным золоченым луком в руках и не улыбался. Значит, следует как-то разрядить обстановку.

– Я – человек. Меня зовут Люба. Журавлева Люба. Приятно познакомиться, – она с самым серьезным видом подня-

лась, сделала несколько шагов, и смело протянула «не-косплееру» руку в надежде на рукопожатие. Алису во время её приключений рукопожатие частенько выручало. С инопланетянами, с людьми – со всеми и всегда можно договориться. И даже подружиться.

Но только если сильно захотеть.

Прежде Любе не требовалось «подружиться» под угрозой смерти. Да и времени на друзей совсем не было. А вот прямо сейчас от её спокойствия и доброжелательности зависело все. Конечно, те книжки про девочку из будущего – всего лишь фантастика, красивая мечта о прекрасном завтра. Но частенько Люба копировала действия Алисы. И обычно ситуация всегда оборачивалась в её пользу.

Вредный мальчишка не пожал протянутую руку. Вместо этого он шагнул к ней ближе, продолжая сверлить черными глазищами и упираясь наконечником стеклянной стрелы прямо в девичью грудь:

– Говоришь, ты – человек? Но люди боятся Мерлого леса. Обходят его стороной. Я ни разу не встречал здесь людей. Если бы своими глазами не видел, как Плакун напал на тебя, я бы решил, что ты – новая магарь.

– Кто-кто? – Люба с видимым сожалением убрала руку. Этот синеволосый даже не представляет, сколько смелости потребовал от нее простой на вид жест.

– Магарь, – мальчишка склонил голову на бок, не моргая, глядя на нее. Так обычно смотрят рыбы за стенкой ак-

вариума. – Существо, которое хотело «высосать» тебя, или съест, как удобнее, – тоже магарь. В этом лесу магарей много. Здесь нельзя находиться. Опасно.

– Нельзя-нельзя, вот заладил! – Люба раздраженно закусила губу. – Мог бы уже убрать свое оружие, а не тыкать им, раз понял, что я – человек!

– В Мерлом лесу нельзя расслабляться. Утратишь бдительность, и, считай, что ты – не жилец, – поучительно хмыкнул в ответ синеволосый.

– Если в лесу опасно, что ты здесь забыл? И еще разгуливаешь во всем белом, как на параде! И почему магари не нападают друг на друга? К «своим» они, что, добрее?

Вместо ответа, мальчишка выдернул стрелу из лука и убрал в колчан за спиной. Продолжая сжимать лук одной рукой, он вдруг сделал еще один быстрый шаг к Любе. Крепко схватил ее за подбородок, заставив взглянуть себе в глаза:

– Так и есть, ты – теплая, живая. Человек, судя по всему. Если только Гриоты не усовершенствовали свои технологии разработки магарей. Или не отправили к нам шпионку!

Люба, не задумываясь, ударила ребром ладони по сжавшимся на ее подбородке чужим пальцам:

– Руки убрал! Куда лезешь своими граблями?

Синеволосый страдальчески закатил глаза, мол, попалась же тупица. Но лук убрал тетивой вниз в налучь за спину. Затем снова хмуро заговорил:

– Не знаю, кто ты, и откуда, и почему не слышала о созда-

ниях Мерлого леса. Но, на всякий случай, я объясню. Магари не нападают друг на друга. Для жизни им требуется энергия людей. Конечно, не все магари – паразиты. Да и в этом лесу можно встретить не так уж много видов. Часть из них довольно безобидна. Например, я даже охочусь на чоккутов. Их мясо и мех очень ценны.

– погоди! Хочешь сказать, что и за пределами леса есть эти существа?

– Магари, что не из Мерлого леса, обычно держатся подалеже от людей. Они питаются солнечным светом и безобидны. Большинство магарей за пределами Мерлого леса Озерной провинции – не паразитического типа. Но наш разговор... придется отложить... – синеволоосый вдруг побледнел, как подгнившая ягода клубники, и стал медленно оседать на землю.

Люба успела подхватить мальчишку в последнюю секунду. Тот, задыхаясь, что-то пытался ей объяснить. Сначала Журавлева испугалась, что своими разговорами навлекла на них обоих беду. Возможно из-за спины «не-кошплеера» сейчас появится отвратительный монстр как в типичном фильме ужасов. А Люба понятия не имеет, как с ними, с монстрами, бороться!

К счастью для Любы, никаких волшебных существ вокруг не наблюдалось. А синеволоосый, наконец, смог отчетливо произнести:

– Достань из моей сумки синюю коробочку. Я не могу по-

шевелиться.

Журавлева, устроившаяся рядом со страдальцем прямо на песке, с неохотой полезла в карман чужой сумки. Немного порывшись, девочка выудила из него небольшую коробку.

– Раскрой ее, – потребовал парень, ужасно зливший Любу объемом выдаваемых требований. Пришлось подчиниться. Внутри лежал красный камешек очень похожий на рубин. Но, что-то подсказывало Любе, что это не – обычный камень. Он пульсировал изнутри как живой организм! Или как здоровое человеческое сердце.

– Забыл, что остался всего один... – тихо пробормотал себе под нос мальчишка, не отрывая взгляда от камня. – Сядь рядом, отогни ворот моей кофты, Любушек.

Журавлева почувствовала, что уши краснеют. Для чего ей трогать на нем одежду? Да... и как он там ее назвал? Какая еще «Любушек»? Откуда такая производная? Не Люба, не Любаша, не Любушка, а Любушек. Это от «воробушка» что ли?

С некоторым сомнением в адекватности с трудом дышащего парня, Журавлева придвинулась к нему и отогнула воротник водолазки. Девочка искренне надеялась, что этот мрачный паренек сейчас не симулирует. С другой стороны, он мог убить ее или тяжело ранить, не моргнув глазом. Но ведь спас от магари! Чуть раньше, с неизвестными мотивами. По доброте? Или потому что захотел использовать в своих целях?

Не зная ответа на эти вопросы, Люба могла бы еще сомневаться. Но тут она рассмотрела на шее мальчишки что-то плохое. Совсем плохое. Совершенно не попадающее под определение «норма».

Это был громоздкий и уродливый на вид металлический ошейник, намертво приросший к коже. В нем слабо мерцали семь камней, точь-в-точь таких же, как тот, что был спрятан в коробочке. Один из камней горел ярче остальных. Другие, словно гаснущие лампочки, бросали лишь слабую красноватую тень на ладонь Любы.

– Чего ждешь? Замени один из камней! – властно поторопил ее синеволосый.

Люба неохотно, но выполнила его требование. Едва она вставила новый «пылающий» камень в металлическую оправу, как тот, что она заменила, превратился в горстку пыли.

– Что за?! – она вопросительно посмотрела на лучника, который, кажется, снова обрел способность двигаться.

– Все вопросы – потом. Не представляешь, как я завидую, что у тебя нет этой штуки на шее... – мальчишка пошевелил сначала кистями рук, затем плечами, и глубоко вздохнул. – Не спрашивай меня ни о чем. Мы должны выбраться из леса до темноты. Тебе придется помочь мне встать на ноги. Сам я не могу...

– Но, что с тобой случилось? Похоже на приступ морской болезни... Или... просто какой-то болезни, – Люба послушно помогла ему подняться с земли и даже позволила опереть-

ся о свое плечо.

Синеволоосый махнул рукой прямо:

– Поможешь мне добраться до дома, оставлю переночевать. Хватит уже впустую болтать, теряя драгоценное время. Пошли.

Журавлева надулась, но перечить не стала. В Мерлом лесу с каждой минутой становилось все менее и менее уютно. А еще стал сгущаться туман. Постепенно, не сразу, но очертания деревьев потонули в белесой дымке. Так и заблудиться недолго. Или напороться на острые сучья, или споткнуться о выпирающие из земли корни деревьев.

...Люба перекинула руку лучника себе на плечо, и, подерживая его за талию, помогала ему двигаться вперед. Туда, куда он показывал. Ребята довольно долго брели по густому лесу. Новый знакомый двигался очень медленно, морщился то и дело, как будто испытывая сильную боль. Девочка боялась, что он ранен, просто не признается. Защитить сейчас она не смогла бы даже себя. Вот почему Люба вздрагивала от любого шороха. Ко всем неприятностям, как назло, добавилась жажда и чувство голода. Может, потому что из душной Москвы она выбралась на свежий воздух? Но, уж лучше бы не выбиралась...

Тут же вспомнился кусочек жареного мяса, приправленного клюквенным соусом, который подавали в «Шелке». А еще – сладкий вишневый сок. Складывалось ощущение, что прошло гораздо больше времени, чем пара часов. И она не

ела ничего, как минимум, сутки. Сейчас Люба с удовольствием запихнула бы в себя даже диетический омлет или салат с оливковым маслом, сделанный Михайловной.

Глава 9. Дорога из Мерлого леса

Когда они подошли к высокому крепкому дереву с пятью извилистыми стволами, лучник сказал:

– Теперь свернем налево. Не дрожи так. Здесь, недалеко от озера, нас не тронут. Редкие магари бросаются за движущейся добычей. Особенно когда та почти достигла границы леса.

Люба оценила эту трогательную заботу об ее душевном состоянии:

– Тебе лучше? Ты не ранен? Я бы хотела знать, как тебе помочь. Но я впервые вижу, и ошейник на твоей шее, и красный камень, и Плакуна. Мне страшно! Пообещай хотя бы не умирать, прежде чем мы покинем этот лес.

Синеволосый коротко вздохнул. В угольках глаз вспыхнула и тут же погасла злость. Журавлева не собиралась отступать, хотя такая реакция на простые вопросы ее пугала.

– Ты все еще не поняла, верно? В том, что мне сейчас плохо, есть твоя вина. Я убил Плакуна, а он оказался силен, лишив меня остатка «тепла». Или эмоций, как тебе больше нравится. Те камни, что в моем ошейнике, контролируют поток эмоций. Заменяв всего один, ты спасла мне жизнь. Не пополняя запас, я могу превратиться в манекен. Мне нужны деньги, чтобы покупать эти камни, так называемые «теплоки». А из-за тебя я лишился сразу шести камней в ошейнике.

ке. Ты – одна сплошная неприятность! Я собирался просто поохотиться на чоккутов. А ты все испортила!

Слушая злобные сбивчивые объяснения спутника, Люба не выдержала и больно пихнула его локтем под ребра. Мальчишка ойкнул и сжал ее плечо с такой силой, что, наверное, остались синяки:

– Смерти захотела?!

– Я просто поражаюсь, как парень может столько жаловаться! Раз твоя работа – шататься по этому лесу круглые сутки...

– У меня есть и другая работа!

– Ерунда! Раз ты приходишь сюда, то должен быть готов к таким магарям, как Плакун! А чего только стоят эти твои бубенчики на волосах! Их перезвон, конечно, совершенно никто не слышит! – возмущалась Люба.

– Я умею двигаться бесшумно. И с колокольчиками тоже проблем нет. А тебе советую сбавить тон! И да... Не лезь, куда не просят! Лучше на свой дикий наряд посмотри!

Люба обиделась:

– У меня хороший джинсовый сарафан от фирмы «Коллинз». А ты дурак-косплеер!

– Не знаю, что означают эти слова, но напомню, что собирался приютить кого-то у себя дома. Так что... помолчи, пожалуйста, – синеволосый сердито хмыкнул.

– Все равно не понимаю, – уже скорее по инерции бурчала девочка, – ты же должен предвидеть такие ситуации. То, что

магари тебя заметят, и нападут.

– Должен. И предвижу. Я специально выпиваю зелье, отпугивающее магарей. Но оно не означает, что моя охота всегда будет безопасной. Случайности исключать нельзя. Раньше я просто обходил Плакунов. Эти создания сильны по уровню магии, скрываемой внутри их тел. Они нападают, заманивая. Поверил, значит, пропал. Не бросаешься в их холодные объятия, чтобы утешить – скорее всего, останешься в живых. Убивать их мне не случалось. Я и не знал, что это разом сломает «теплоки»...

Лучник погрузился. Кажется, больше не злился. Люба была рада и этому.

– Спасибо, что спас меня. А что это за чоккуты, на которых ты охотился?

Девочка твердо решила продолжать беседу. Даже, если придется вытягивать из угрюмого красавца по одному слову. Молчать хуже. В информации есть сила. Люба надеялась, если не принять, то, хотя бы, попытаться понять мир, в который ее забросило по милости манекена, заявившегося в «Шелк».

– Чоккуты или травоглоты – это магари, созданные Гриотами. Довольно безобидные твари. У них очень вкусное мясо и красивый мех. Внешне похожи на белые меховые комочки с очень маленькими глазками. Их не видно из-за густой белой шерсти, как будто глаз совсем нет. Зато у чоккутов есть длинные усы, с помощью которых они ищут корни и траву.

И большой беззубый рот.

– Погоди, – заинтересовалась Люба, – как это они пережевывают пищу, если у них нет зубов?

– Растительная пища растворяется во рту у чоккутов. Не перебивай, это некрасиво.

– Хорошо не буду. Извини, – смутилась Люба. – А есть в них, в этих чоккутах, еще что-нибудь интересное? Много нужно сил, чтобы их изловить? Ты сегодня поймал хоть одного?

– Из-за тебя – нет! – сердито фыркнул парень, но, тут же, смягчился, когда запнулся, а Люба удержала его от падения. – Охотиться на чоккутов сложно, и даже опасно, если не знать правил. К ним лучше подкрадываться, пока они спят. Главное, успеть накинуть на них магическую сеть, как можно скорее. Если случайно разбудить чоккута, не успев пленить его, тот от испуга может увеличиться в два, а то и в шесть раз! И просто раздавить горе-охотника.

– Мне почему-то жаль чоккутов, – вздохнула Люба. – Они, наверное, милые. И убивать их – все равно, что травить котят.

– Знаешь что, – лучник бросил в ее сторону сердитый взгляд. – Если бы не эти деньги, то у меня не было бы «теплов»», и ты была бы уже мертва! Так что хватит с умным видом рассуждать о морали. Я считаю, что все волшебные существа – пусть, местами и необходимое, но зло. Они слишком долго мешают нам жить... Если однажды моя мечта осу-

ществится, все они... – мальчишка осекся под ее взглядом и вдруг покраснел, добавив после короткого молчания:

– Ты не думай, что, раз я тебя спас, то считаю человеком. Нормальные люди не болтаются по Мерлому лесу в одежде огородного пугала. Если ты – новый вид магарей, я выгодно продам тебя. И все. А если ты шпионка со стороны Гриотов, не жди в Озерной теплого приема.

– Озерная? М-м-м, что-то ты такое упоминал...

– Так зовется наша провинция. Туда мы и направляемся, – задира передернул плечами.

– Может быть, тогда пора нормально познакомиться, мистер хам и ворчун? Чем докажешь, что сам-то – человек? Ты тоже выглядишь подозрительным!

Её способность видеть во всем хорошее таяла на глазах. Помогать мальчишке идти было нелегко. Правую руку оттянула собственная сумка, а плечо, на которое с силой опирался лучник, совсем онемело.

– Хорошо, Любушек Журавлева, я представлюсь, – согласился с ней раненый, явно обиженный ее последним замечанием, – меня зовут Даньяр Рэм. Как тебе кажется, имя вполне человеческое?

– Вот и познакомились, – вздохнула в ответ Люба. – Так бы сразу. А ты что устроил?

– Почему я должен рассказывать о себе первой встречной девчонке? Я все равно тебе не верю, ненормальная!

– Сейчас точно кого-то брошу умирать в лесу! – топнула

ногой Люба. – С чего это я ненормальная? Две руки, две ноги и голова.

– Ты говорила, что я – плохой охотник, – злопамятно напомнил ей Даньяр, передразнивая. – Ни один человек в Озерной не смеет так разговаривать со мной. Они боятся лишней раз взглянуть в сторону дома Рэмов! А ты – наглая грубиянка, разгуливающая по лесу почти раздетой!

– На мне сарафан! Ух, и бесишь! – Люба могла бы пришлепнуть к этим словам пару горячих комментариев. Но тут как раз деревья расступились, и они вышли к огромному гладкому, точно гигантское зеркало, озеру. Оно напоминало великанье блюдце, заполненное прозрачным, точно слеза младенца, березовым соком.

Солнце медленно клонилось к горизонту. Красно-желтые лучи скользили по белым веткам, оставшихся за спиной деревьев. Заливая потоком золотистого света озеро, лучи сверкающими дорожками разбегались по воде в разные стороны. Подняв голову, Люба разглядела вдали крыши домов, расположенных по правую руку, и, чуть левее, высокие башенки, напоминающие детскую площадку в благоустроенном районе.

– Нам нужно обойти это озеро, Люба, – тихо вздохнул Даньяр, который, похоже, тоже устал ругаться.

«Наконец-то! – мысленно обрадовалась девочка. – Если столько злиться, можно отравиться собственным ядом!»

– Значит, ваша провинция названа так, потому что распо-

ложилась возле озера?

– Вроде того. Озеро именовали Волнистым. Оно глубокое даже рядом с берегом. Сюда, по приказу Гриотов, были отправлены последние виды водных магарей – Нептунисов. Здесь для них идеальные условия. За чистотой озера тщательно следят. Нептунисы редко контактируют с людьми и живут глубоко под водой. Но те, кому удавалось их увидеть, говорят, что они очень красивые. Вот только с рыбьими хвостами. И, все как один, – мужчины, – с ноткой превосходства в голосе прибавил Даньяр.

– Если вспомнить, как ты любишь магарей, ты и их бы, наверное, хотел извести, – уколола его Люба. Новую ссору она не планировала, но горе-охотник ее умело провоцировал.

– Ну и что? Должно же в нашей провинции быть что-то особенное. И я тебе рассказывал про наше замечательное озеро, а не про Нептунисов!

– Ладно-ладно, – поспешила с ним согласиться Люба.

Они медленно шли, обходя озеро, по едва заметной тропинке среди высокой травы. Большинство растений Люба видела впервые.

– А вы не боитесь купаться в таком глубоком озере?

Даньяр изумленно посмотрел на нее:

– Мы не купаемся в Волнистом. Общаться с Нептунисами строго запрещено.

– Ну, а если на улице жара? Подумаешь, взял, и разок окунулся. Не вижу здесь охраны! Может, все же, хоть лицо и ру-

ки вымоем? Я едва не умерла, пока тащила тебя из леса. С меня три пота сошло, так что...

– Так что, будь добра, помолчи немного, и ускорь шаг, Любушек, – Даньяр ущипнул ее за плечо. Журавлева поморщилась: не больно, но все равно неприятно. А лучник тем временем продолжал ворчать, – даже если купаться в озере не запретили, для юных особ вроде тебя это неприлично. Нептунисы мужского пола. Что тут непонятного?!

Люба уже собиралась высказаться относительно такой дискриминации, но замерла, подняв голову вверх. Даньяру тоже пришлось остановиться. Парень бросил на нее усталый взгляд:

– Ну, а теперь-то, что?

Девочка вместо ответа ткнула пальцем в небо. Рэм все понял. Сейчас и он услышал крики пролетающих птиц:

– Ты что, никогда птиц не видела?

Люба ответила не сразу. Ну, конечно, птиц такой окраски в Москве трудно отыскать. Своими радужными перьями они походили на попугаев. Но были для этого слишком крупными, размером с орлов. Каждое перо, то и дело, вспыхивало золотом в лучах заката, словно было покрыто акриловой краской перламутрового оттенка. Так могли бы выглядеть жар-птицы из старых сказок или мистические жители солнца, наделенные крыльями, которые каждую свободную минуту купались в золотом песке.

У птиц имелась еще одна уникальная особенность. Лю-

ба прищурилась, рассматривая пернатых. Нет, ей не показалось! Одна пролетевшая пара, за ней – другая... Они пугали и очаровывали одновременно. У птиц было всего по одному большому крылу, и, тем не менее, они уверенно держались в воздухе.

– Как... – выдавила из себя Люба, – как они летают с одним крылом? Разве они не должны упасть на землю?

– Глупая, – неожиданно усмехнулся Даньяр. – У них точно есть два крыла, уж поверь мне. Просто одно из крыльев – невидимое. Эти птицы – не паразитические магари, и могут питаться солнечным светом. Им нет нужды нападать на людей. Однокрылы держатся от людей подальше. Даже просто увидеть их, к большой удаче. По крайней мере, в Озерной в это верят... Однокрылы выбирают себе пару один раз и на всю жизнь. И, после этого, уже не расстаются, потому что могут умереть от тоски.

– Значит, птицы-однолюбы с прозрачными крыльями... – удивилась Люба. – Какие все-таки интересные эти птички!

– Да уж. Про однокрылов есть еще легенда. Будто перед смертью они могут подарить свои крылья человеку. Но не верь в красивые сказки, дурочка. Кстати... Почему я работаю для тебя проводником и рассказчиком совершенно бесплатно?

– Хочешь сказать – гидом? – автоматически поправила его Люба. – Просто отвечаешь любезностью на любезность. Ведь я помогаю тебе добраться до дома.

– Гляди, я забуду, что обещал тебе приют на ночь!

– Слушай, мне вот интересно. Если ты – лучник, почему не блондин? В исторических фильмах и экранизациях фэнтези, лучники, как правило, с длинными светлыми волосами! Вот вспомнить хотя бы Леголаса...

– В твоей голове каша, Любушек! Похоже, ты оказалась здесь по вине собственной глупости. Помолчи, пожалуйста, пока мы не доберемся до дома.

Люба обиженно прикусила губу. Но ей не оставалось ничего другого, кроме, как выполнить его просьбу.

Глава 10. Особняк семьи Рэм

Они подошли к дому, когда солнце село. По небу быстро расплзлись черные облака, предвещавшие или грозу, или дождь. Поднялся сильный ветер. Люба пожалела, что не взяла с собой легкую кофту, которую можно накинуть на плечи. Но устала она куда больше, чем замерзла. Хорошо, что дом Даньяра оказался крайним в поселке. Кажется, еще пара часов в пути, и Люба упала бы, не в силах пошевелиться.

Они стояли перед домом, чьи окна приветливо светились, подмигивая усталым путникам. Свет совсем не походил на электрический. Слабый и рассеянный – от масляных ламп или свечей. Но сам дом, выстроенный из белого камня, производил сильное впечатление. Наряднее всего смотрелась веранда на втором этаже, украшенная резными панелями.

Девочка задумалась на секунду, на что похож по форме дом Даньяра. И сделала вывод, что неизвестный архитектор пытался создать гигантскую каменную лампу. Лампа-дом состоял из трех этажей: нижний – самый широкий, второй – поменьше, третий – довольно просторный. Лохматая старая липа скрывала верхнюю часть здания толстыми ветками и звенящей густой листвой. В воздухе витал медовый аромат цветов и хмеля, побеги которого увивали все три этажа.

Крышу дома покрывал гладкий, как эмаль, материал, тускло поблескивающий в отблесках вечерних огней. Богато

украшенная веранда находилась на втором этаже. По её периметру располагались несколько фонариков, освещавших двор.

В целом, большой дом напоминал творение душевнобольного дизайнера, обладавшего на редкость дурным вкусом. И все же, размеры и внешнее убранство впечатляли. Но огорчало, что дом выглядел запущенно: белый камень порос мхом даже рядом с окнами. Часть оконных проемов была заколочена самыми обычными досками.

– Говоришь, что у тебя нет денег? Но дом твой явно не из дешевых. Или в вашей Озерной у каждого по такому? – вскинула брови Люба. Перед тем, как подняться на крыльцо, Даньяр потребовал у нее снять обувь и оставить у входа в дом.

Мальчишка не удостоил ее ответом. Только громко фыркнул и со всей силы стукнул деревянной колотушкой, прибитой к двери. Люба поняла, что эта массивная вещь заменяет современный звонок. Внутри слышались шаги. Дверь чуть слышно скрипнула, и в проеме появилась седая голова в мятой кепке:

– Дэн, я так волновался! Куда ты пропал? Обещал вернуться из Мерлого леса еще до полудня, несносный ребенок! Почему не жалеешь старика? Если еще раз... – в эту минуту дедуля заметил Любу и прикусил язык. – О, так ты не один! Понятно, почему задержался. Ну, проходите, проходите. Ужин давно на столе... Наверное, остыл.

– Она есть не будет! – коротко бросил Даньяр, пока они все вместе шли по длинному коридору, уставленному кадками с растениями самых разных цветов и форм.

– Интересно почему? – удивился дед, и обратился к Любе, – ты разве не голодна?

Люба быстро помотала головой. По ее смущенному лицу и краснеющим щекам старик все понял:

– Дэн, ты можешь говорить, что угодно. Только уясни, пока в этом доме хозяин – я, и не позволю оставлять гостей голодными. Тем более девочка помогла тебе в лесу... Твои родители, наверняка, не одобрили бы...

Даньяр, все еще опиравшийся на Любино плечо, только презрительно фыркнул. Девочка подумала, что он, совсем как кот со скверным нравом, что шипит на чужаков, и даже на самих хозяев, если те призывают его к порядку.

Несмотря на враждебность Даньяра, Люба в какой-то степени была даже благодарна ему. Она тоже с подозрением относилась к чужим людям. Если бы юный Рэм не бурчал, девочка подсознательно ждала бы подвоха от новых знакомых. Но Даньяр держал себя с ней грубовато и надменно. В этом девочка видела знакомую манеру поведения дяди Вадима и принимала ее за искренность. Юный Рэм не вызывал у нее плохих предчувствий. И, оказавшись у него в гостях, Люба чувствовала себя почти комфортно. Совсем как дома.

Дед Даньяра немного повозился с засовом, закрывая входную дверь. Потом, шаркая, обогнал их, освещая тусклый ко-

ридор светом фонаря, и показывая Любе, куда вести раненого. Это оказалась небольшая круглая комната (возможно, гостиная?) с мягким диваном, столом и шкафом, стоящим вплотную к стене.

Люба помогла Даньяру устроиться на диване. Затем, с видимым облегчением, села рядом, рассматривая скудную обстановку.

– Значит, вы познакомились в Мерлом лесу? Вот же случай! – дед поставил фонарь на стол перед ребятами. Те зачарованно наблюдали, как из темноты к нему слетела бабочка, и, сложив крылышки, замерла.

Старик открыл шкаф, погромел там посудой и бутылками. Потом достал из недр старой мебели закрытую деревянной пробкой колбу, которую тут же вручил Даньяру:

– На, выпей. После того, как ты почти лишился сил, это будет в самый раз. Хорошо, что у нас еще остался запас. Но, может, не стоило так безрассудно вступать в схватку с сильной магарью? Ведь у тебя есть зелье, позволяющее избегать столкновений...

– Не ругайте его, Даньяр спас мне жизнь! – горячо воскликнула Люба. Даньяр с досадой покосился на нее. Словно его бесило, что за него заступались. Как будто это не снимало с него ответственность, а лишь добавляло ее. Защита от девчонки, мол – ну, что может быть хуже?!

Дед Даньяра перевел на неё мудрый взгляд. Изучал с минуту, потом громко расхохотался. Обстановка вмиг разряди-

лась:

– Не помню, когда у тебя, внук, последний раз появлялись защитники! Как твое имя, храбрая девочка?

– Люба Журавлева, – смущенно кашлянула она в ответ, и устала на свои, крепко сжатые в замок, руки.

– А меня кличут Морий Рэм. Очень приятно познакомиться, Люба. Я впервые за долгое время вижу, как мой внук приводит домой друга.

Старик убрал руки за спину и склонил голову набок с самым довольным видом. Сейчас Журавлева рассмотрела его, как следует. С окладистой седой бородкой, в белой рубашке с закатанными по локоть рукавами, и в клетчатых, местами потертых, брюках, он выглядел самым обыкновенным дедушкой. Или сильно постаревшим папа Карло из сказки про Буратино!

– Не друга, а магарь неизвестного вида, – сердито откликнулся Даньяр.

– Ну-ну, не обижай Любу. Магарь не может переступить порога этого дома. Ты же помнишь о защите, которую установили твои родители? Люба – самая обыкновенная девочка. Разве что ее одежда вызывает вопросы. Но, похоже, она не из наших мест... – Морий Рэм вопросительно посмотрел на Любу.

– Она утверждает, что прибыла из другого мира, – ответил за нее Даньяр, который как раз принимался к содержимому колбы и морщился. Люба отлично понимала его: мерзкий

запах у лекарства разъедал даже ее нос.

– Похоже, что девчушка говорит правду, Дэн, – кивнул старик. – Может, она – наша новая Странница?

Даньяр исподлобья взглянул на него:

– А я тогда – танцовщица в замке династа! Ты, что, забыл? Странница не может появиться в лесу! Столь уважаемую личность встречает сам династ, который и представляет её народу и гномам.

– У вас есть гномы? – встрепелась Люба, услышав знакомое слово. – Они...хम्म... тоже магари?

– С чего бы? – даже не повернулся в ее сторону Даньяр. – Они – часть нашей Солнечной страны. Всегда жили здесь. Их кровь такая же горячая, как и у нас...

– Понятно. Ну, извини за вопрос, – вздохнула Журавлева.

– Нам известно, что мир, из которого один раз в двадцать лет приходят Странники и Странницы, не похож, на наш. Но там живут обычные люди, из плоти и крови. Завтра же отведи девочку к гномам. Возможно, она – действительно «Странница», та, кому суждено спасти нашу страну. А сейчас, пей уже зелье восстановления! И пойдем ужинать. – Дед Даньяра поправил съехавшую набок кепку и с чувством стукнул кулаком по столу. В ответ на его действия фонарь чуть вздрогнул, а бабочка, сидевшая на нем, улетела обратно под потолок.

Даньяр скривился, но не стал спорить. Любе очень хотелось спросить, как она, обычная девочка, может помочь це-

лой Солнечной стране. Но возражать гостеприимному деду не хотелось. Объяснить, что произошла досадная ошибка, можно и попозже. Как знать, вдруг эти гномы помогут ей вернуться домой?

Когда Даньяр выпил лекарство, они втроем прошли по уже знакомому коридору, заставленному кадками с растениями, в просторную кухню. По дороге дед предложил им обуться. Тогда Люба с радостью надела на ноги вязаные шлепки. Это была вынужденная мера. Среди растений в кадках попадались и хвойные, раскидавшие острые иголки по всему полу.

Стол накрывала чистая скатерть. Над ним покачивались бумажные фонарики в форме птиц-однокрылов. Сквозь распахнутое окно проникал легкий ветерок.

«Вполне обычная кухня. Разве что вместо электрической или газовой плиты у них – глиняная печь...»

При виде блюд, расставленных на столе, у Любы засосало под ложечкой. Чего здесь только не было! Ароматная картошка, соленые огурчики, круглый зерновой хлеб свежей выпечки, чесночный хлеб, кусочки вяленого мяса, тонко нарезанная копченая рыба, помидоры, печеные яблоки, пышный пирог с клубникой, маленькие чашки со свежими сливками и компот в высоком графине!

– Если она будет ужинать за мой счет, я за этот стол не сяду! – пошел в наступление Даньяр. До кухни он добрался са-

мостоятельно. Видимо, зелье с ужасным запахом оказалось действенным.

«Жаль, что оно не улучшило его характер», – вздохнула про себя Люба.

– Тогда ешь у себя в комнате! – рассердился дед. – В этом доме ты не один работаешь. Не хочешь угощать Любу, обойдись без тебя!

– Вот и отлично! – мальчишка бросил обозленный взгляд в сторону притихшей, но уже примостившейся за столом гостьи. Потом решительно взял поднос и сгреб на него добрую половину содержимого тарелок вместе со столовыми приборами. Завершив «обирать» стол, Даньяр с оскорбленным видом направился к дверям:

– Пусть не поднимается в этом доме выше первого этажа. И спит в гостевой!

Дед, возмущенный до глубины души его поведением, только руганул след. Даньяр громыхнул подносом где-то в коридоре, и, видимо, поднялся по одной из маленьких лестниц наверх. Его шаги быстро стихли.

Люба решила отбросить скромность и налетела на угощение, как ястреб на стаю сонных голубей. Она не знала, что принесет завтрашний день. Если бы та гадость в Мерлом лесу закончила свое мокрое дело, она бы, Люба, сейчас не наслаждалась вкусом печеных яблок и чесночного хлеба.

Дед, устроившийся на высоком стуле напротив нее, задымил табачной трубкой, не притрагиваясь к еде. Кажется, он

немного расстроился, что выгнал из-за стола Даньяра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.